

ДМИТРИЙ ПАНКРАТОВ

КОНТУР_7

ОБЪЕКТ: БАЛТИКА

УРОВЕНЬ УГРОЗЫ

ПОВЫШЕН

КООРДИНАТЫ

54.8971 N

20.3046 E

ВРЕМЯ (UTC)

2048-10-26

12:17:48

СИГНАЛ: ИМ-7

СТАТУС: АКТИВЕН

КАНАЛ СВЯЗИ
ЗАШИФРОВАН

ШИФР_КОНТУР

A7F3-9C21-0B4

ВОЙНА НА ДОВЕРИИ

Дмитрий Панкратов

Война на доверии

«Автор»

2026

Панкратов Д. В.

Война на доверии / Д. В. Панкратов — «Автор», 2026

Война на доверии 2048 год. Война больше не начинается с выстрела. На поле боя будущего главным оружием становятся не только дроны, роботы и искусственный интеллект, но и способность управлять восприятием реальности. Солдаты, командиры и государства зависят от цифровых систем, которые должны показывать им правду. Но что произойдёт, если этой правде больше нельзя доверять? В мире, где каждый сенсор может быть обманут, а каждое решение принимается на основе данных, начинается противостояние нового типа. Граница между атакой и защитой, человеком и машиной, фактом и подделкой становится всё тоньше. Героям предстоит столкнуться с войной, в которой главный вопрос звучит не «кто сильнее?», а «кому можно верить?». «Война на доверии» — научно-фантастический триллер о будущем конфликтов, технологиях двойного назначения и цене человеческого выбора. Это история о мире, где самые опасные сражения происходят не только за территории, но и за саму картину реальности.

© Панкратов Д. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Шум	6
Глава 1	13
Достаточно	13
Глава 2	24
Сопровождение	24
Глава 3	36
Три секунды	36
Глава 4	41
Семнадцать минут	41
Глава 5	48
Лес видит всё	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Дмитрий Панкратов

Война на доверии

Война на доверии
Дмитрий Панкратов

Пролог

Шум

Время всех событий до эпилога указано по единой оперативной шкале — UTC.

26 октября 2048 года, 02:17

Балтийское море

В две семнадцать ночи кабель перестал быть кабелем.

На схеме он ещё лежал на дне — четыреста восемьдесят три километра защищённого волокна и энергетической линии, изогнутой по ложбинам Балтики от российского побережья до Калининграда. Зелёная нить пересекала тёмный экран, как пересекала его каждый день последние одиннадцать лет.

Потом зелёная нить разделилась на две.

Ильзе Озола убрала руку от кружки. Суп оставался тёплым, но за два часа ночного дежурства давно перестал казаться едой.

— Оскар.

Дежурный инженер не отозвался. Он сидел в трёх метрах от неё, откинув голову на спинку кресла, и смотрел закрытыми глазами на внутреннюю сторону век. В центре контроля запрещалось спать, поэтому ночью люди научились отдыхать, не признаваясь в этом даже самим себе.

— Оскар.

— Вижу.

Он не открыл глаз.

— Нет, не видишь.

Ильзе развернула к нему схему.

Оскар выпрямился. Протёр ладонями лицо и несколько секунд смотрел на две зелёные линии, между которыми возник серый промежуток.

— Потеря телеметрии?

— Телеметрия по обеим сторонам есть.

— Обрыв волокна.

— Энергетический канал тоже пропал.

— Значит, обрыв всего пакета.

— Без перегрузки. Без дуги. Без изменения температуры.

Теперь он проснулся окончательно.

Они сидели на сорок два метра ниже земли, в бывшем хранилище береговой обороны неподалёку от Лиепай. Когда-то здесь держали боеприпасы. Теперь под многометровым слоем бетона размещался один из центров Балтийской системы подводной безопасности.

На стенах не было окон. Вместо них тянулась панорама моря — цифровое дно с энергетическими линиями, волоконными трассами, газовыми трубами, подводными станциями, старыми минными полями и маршрутами автономных аппаратов. Большинство объектов принадлежало государствам и корпорациям, которые не доверяли друг другу. Поэтому следили за ними сообща.

В верхнем правом углу схемы появился жёлтый прямоугольник:

ВОСТОЧНЫЙ ОБХОД — СЕКТОР 17

НАРУШЕНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ

ПРИЧИНА НЕ ОПРЕДЕЛЕНА

Система запросила подтверждение инцидента.

Ильзе не подтвердила.

Сначала она увеличила участок дна. Цифровой двойник кабеля распался на десятки слоёв: положение, давление, температура, ток, оптическая проницаемость, вибрация внешней оболочки. Все параметры оставались нормальными до последней микросекунды. Затем участок длиной один метр семьдесят сантиметров исчез из системы.

Не разрушился.

Не перегорел.

Исчез.

— Его отсоединили, — сказал Оскар.

Ильзе покачала головой:

— Такие кабели не отсоединяются.

— Теперь отсоединяются.

Оскар вызвал конструктивную схему. В секторе 17 находилась ремонтная муфта — бронированный цилиндр, установленный после аварии 2042 года. Чтобы открыть её, сервисному аппарату требовались два независимых допуска, физический ключ и подтверждение берегового центра.

Ни одного запроса не было.

— Муфта могла перейти в аварийный режим, — предположил Оскар.

— Тогда она замкнула бы энергетическую линию на обход.

— Не успела.

— Она успевает за четыре миллисекунды.

— Ильзе, она не успела.

Она посмотрела на него.

Оскар поднял руки:

— Хорошо. Её не было на рабочем месте.

Ильзе подтвердила инцидент.

Жёлтый прямоугольник стал красным. Система разбудила аварийные службы, запросила ближайшие спутниковые проходы, подняла донные датчики из экономичного режима и отменила разрешения на движение гражданских подводных аппаратов в радиусе пятидесяти километров.

По дну разошёлся невидимый круг тревоги.

Через восемь секунд пришёл первый ответ от российского оператора. Ещё через три — от германского страхового центра. Затем от литовской энергетической службы, международного диспетчера сетей и двух владельцев волоконных каналов, проходивших рядом.

Люди ещё спали. Их системы уже обменивались подозрениями.

— Давление? — спросил Оскар.

— Стабильно.

— Сейсмика?

— Ноль.

— Внешняя акустика?

Ильзе раскрыла архив донных микрофонов.

Сначала центр наполнился обычным балтийским шумом: течение тёрлось о корпуса датчиков, далеко на западе работал винт грузового судна, над песком щёлкали мелкие ракообразные. Человеческое ухо не могло слышать большую часть этих звуков, поэтому система сжимала частоты, превращая давление воды в доступный слуху низкий гул.

Ильзе надела наушники.

С детства она не любила ночное море. Днём оно притворялось пространством, ночью становилось толщей. В нём не было ни верха, ни расстояния, ни безопасного направления. Только звуки, каждый из которых мог оказаться ближе, чем казался.

Она отмотала запись на четыре минуты назад.

В 02:13:42 на фоне возникло движение.

— Есть аппарат.

— Где?

Ильзе вывела траекторию на общий экран. Небольшой объект шёл в трёх метрах над дном, медленно, используя рельеф. Он приблизился к ремонтной муфте, остановился, опустился ниже чувствительности двух соседних датчиков и через сто девяносто секунд ушёл на северо-запад.

— Почему система его не отметила? — спросил Оскар.

— Сервисный профиль.

— Было разрешение?

— Нет.

Оскар быстро перебирал списки.

— Польские?

— Далеко.

— Немецкие?

— Все в портах.

— Российский ремонтный?

— Российский оператор отрицает выход аппаратов.

— За двенадцать секунд проверил?

— За двенадцать секунд ответил.

— Это не одно и то же.

Ильзе сняла наушники.

На экране появился силуэт обнаруженного объекта. Система не знала его настоящей формы и собрала изображение из акустических отражений: цилиндрический корпус, короткие боковые плоскости, кольцевой движитель, две манипуляторные руки.

Под силуэтом быстро менялись варианты классификации.

Гражданский кабельный робот — двадцать восемь процентов.

Норвежский противоминный аппарат — тридцать один.

Неопознанная донная платформа — сорок четыре.

Российский многоцелевой аппарат серии «Мурена» — семьдесят два.

Восемьдесят один.

Девяносто.

Рядом возникла зелёная отметка подтверждённого соответствия.

«МУРЕНА-М4»

ВЕРОЯТНОСТЬ: 94%

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ: РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Оскар медленно выдохнул:

— Вот и причина.

Ильзе снова надела наушники.

— Пока только название.

— Девяносто четыре процента.

— Вероятность совпадения с библиотекой.

— Именно для этого её и создавали.

Она ничего не ответила.

Звук движителя был ей знаком. Два года назад российская «Мурена» искала затонувший транспорт у восточной оконечности Готланда. Тогда аппарат почти сутки ходил внутри международного сектора, и его шум записали десятки датчиков.

Ильзе нашла архивную запись и наложила её на сегодняшнюю.

Две линии совпали.

Она увеличила масштаб.

Совпали выбросы на разгоне. Совпало падение частоты при развороте. Совпала дрожь повреждённого подшипника, которую российский аппарат должен был получить два года назад и которую давно обязаны были устранить при обслуживании.

— Оскар.

— Что?

— Посмотри на подшипник.

Он приблизил график.

— И что?

— Дефект номер восемнадцать. Готландская запись.

— Они не починили.

— Тогда он не смог бы работать ещё два года.

— Российская техника умеет удивлять.

Ильзе отключила автоматическое выравнивание и прослушала исходный сигнал без обработки. Шум стал глубже и тише. Она снова прокрутила момент разворота.

Потом ещё раз.

— Здесь разрыв.

— Потеря датчика?

— Нет. Семнадцать миллисекунд. Каждый раз перед изменением тяги.

Оскар открыл временную развёртку. Между окончанием одного шумового фрагмента и началом другого обнаружились почти одинаковые промежутки.

— Дистанционное управление, — сказал он.

— Может быть.

— Спутниковый канал через буй.

— Тогда задержка менялась бы.

— Значит, записанная программа.

— Тогда аппарат не повторял бы повреждённый подшипник.

Оскар долго смотрел на две совпадающие линии.

— Ты хочешь сказать, что он воспроизводит звук?

Ильзе сняла наушники и потёрла уши. В помещении было тихо, но низкий гул продолжал существовать внутри головы.

— Я пока хочу сказать, что он звучит неправильно.

— Неправильно для русского?

— Неправильно для настоящего.

На центральном экране открылось окно срочного соединения. Дежурный координатор Балтийской системы безопасности появилась без приветствия. Половину её лица освещала белая панель, вторую скрывала темнота.

— Подтвердите классификацию.

— Не могу, — сказала Ильзе.

— Система подтверждает девяносто четыре процента.

— Система сравнила запись с собственной библиотекой.

— В этом заключается классификация.

— Сигнатура может быть синтезирована.

Координатор посмотрела куда-то в сторону. Вероятно, читала уже сформированный отчёт.

— Вы обнаружили признаки синтеза?

— Повторяется старый дефект движителя. Есть равномерная задержка перед манёврами.

— Достаточно для изменения класса?

— Достаточно для проверки.

— Сколько времени?

Ильзе взглянула на данные ближайшего сервисного судна. Оно находилось в девяноста трёх километрах от сектора.

— Шесть часов до района. Ещё два или три на обследование.

— Через девять часов калининградский энергетический контур потеряет резервирование. Через двенадцать начнутся ограничения нагрузки. Предварительная атрибуция нужна сейчас.

— Предварительная атрибуция станет окончательной через пять минут после публикации.

— Поэтому в отчёте есть слово «предварительная».

— Его никто не прочтёт.

Координатор впервые посмотрела прямо на неё:

— Ваша задача не предсказывать, что прочтут политики. Укажите уровень уверенности и внесите оговорку.

Связь прервалась.

Оскар придвинул клавиатуру.

— Формулировка?

Ильзе некоторое время слушала, как вентиляция прогоняет воздух по старым бетонным коридорам.

— «Обнаруженный аппарат воспроизводит акустические признаки российской платформы типа “Мурена-М4”. Фактическое происхождение требует подтверждения».

— Они попросят короче.

— Пусть попросят.

Оскар внёс фразу.

Отчёт ушёл на согласование.

На схеме вокруг разорванного кабеля продолжали появляться новые объекты. Просыпались береговые радары. Меняли курс корабли. Выходили из режима ожидания противодиверсионные аппараты. Международная сеть отмечала каждое действие спокойными геометрическими символами.

Ильзе снова открыла запись неизвестного аппарата.

Что-то в ней мешало. Не дефект подшипника и не задержки. Другое.

Она убрала низкие частоты, затем шум воды. Отделила движитель от отражений дна. В момент, когда аппарат завис над муфтой, остался короткий импульс — меньше половины секунды.

Четырнадцать слабых колебаний.

Ильзе прогнала его через библиотеку военных сигналов.

Совпадений не было.

Через гражданскую.

Ничего.

Через архив кабельных роботов, донных станций, научных аппаратов, аварийных маяков.

Система ответила:

СИГНАЛ НЕ ИМЕЕТ ДИАГНОСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

РЕКОМЕНДАЦИЯ: ИСКЛЮЧИТЬ КАК ШУМ

— Оскар, посмотри.

Он не ответил.

На его экране находился утверждённый предварительный отчёт. Ильзе прочитала первую строку:

ПОВРЕЖДЕНИЕ КАБЕЛЯ «ВОСТОЧНЫЙ ОБХОД» ВЕРОЯТНО ОСУЩЕСТВЛЕНО РОССИЙСКИМ ПОДВОДНЫМ АППАРАТОМ

Её формулировки там не было.

— Где оговорка?

Оскар прокрутил документ. Внизу находилось примечание:

МНЕНИЕ ОПЕРАТОРА О ВОЗМОЖНОМ СИНТЕЗЕ СИГНАТУРЫ НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО КОЛИЧЕСТВЕННЫМИ ДАННЫМИ И ИСКЛЮЧЕНО ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ ЧАСТИ

— Не я, — сказал он. — Согласующий модуль.

— У модуля нет права удалять экспертное заключение.

— Он не удалил. Перенёс в приложение.

— Какое приложение?

Оскар открыл свойства документа.

Приложение имело четвёртый уровень доступа. Большинство получателей предварительного отчёта его не увидят.

В верхней части экрана одно за другим появлялись подтверждения получения:

Литва.

Польша.

Германия.

Объединённое балтийское командование.

Российский оператор запросил исходные данные, но система автоматически отложила передачу до завершения проверки безопасности.

Ильзе посмотрела на зелёную отметку рядом с изображением «Мурены». Зелёный означал не то, что вывод истинен. Только то, что система сформировала его правильно.

Она вернулась к четырнадцати колебаниям.

Компьютер продолжал предлагать исключить их как шум.

Ильзе скопировала фрагмент в личный рабочий архив, отключённый от автоматической синхронизации. Это нарушало инструкцию. Незначительно — пока запись не будет признана секретной.

Она назвала файл «Шум».

В 02:41 в центре включился сигнал второго уровня тревоги.

На морской схеме погас ещё один участок.

Затем третий.

Энергетический поток на Калининград начал снижаться. Один местный энергоблок находился на плановой модернизации, второй работал с ограниченной мощностью. Автоматика перераспределила нагрузку и оценила резерв критической сети в двадцать один час.

Одновременно система безопасности закрыла восточные морские подходы. Возле судового фарватера обнаружили три объекта, похожие на самоустанавливающиеся мины. Боевые они или только изображают боевые, можно будет установить после обследования.

Если какой-нибудь корабль не решит проверить это раньше.

Оскар открыл карту аварийного снабжения. Тяжёлые мобильные накопители, преобразовательные станции и резервное оборудование связи находились на российско-белорусском логистическом узле под Гродно.

Морской резерв отпал первым. После диверсии международная служба закрыла район кабеля и приостановила движение государственных автономных судов до фиксации следов. Чтобы погрузить оборудование в Клайпеде, его всё равно пришлось бы провести через Литву, а доставка к российскому порту занимала больше суток.

Три тяжёлых транспортника могли увезти большую часть оборудования по массе. Но прямой маршрут проходил над Литвой, а Вильнюсский протокол не предусматривал военного воздушного транзита. Обход над Балтикой оставался физически открыт, но после появления аппарата с российской сигнатурой системы противовоздушной обороны больше не гарантировали правильного распознавания.

Самолёты могли поднять груз.

Никто не мог гарантировать, что им позволят долететь.

На экране остался один маршрут.

— Теперь им придётся открывать Вильнюсский протокол, — сказал Оскар.

Ильзе проверила расчётное время. Если Россия подаст запрос немедленно, первый конвой сможет выйти к вечеру.

Кто бы ни вскрыл подводную муфту, он не просто лишил Калининград основного энергетического резерва. Он заставил российский груз отправиться по заранее известной дороге.

Ильзе снова посмотрела на тёмный промежуток между двумя зелёными половинами кабеля.

Где-то наверху море оставалось спокойным. Волны шли к берегу, суда держали курс, на буях мигали огни. На глубине полутора сотен метров маленький аппарат удалялся от открытой им муфты, оставляя за собой безупречно русский звук.

Настолько безупречный, что ему уже начинал верить весь мир.

Глава 1

Достаточно

26 октября 2048 года, 07:10

Гродненский логистический район

Серёгина разбудил свет.

Тонкая белая полоса прошла по потолку, задержалась над кроватью и стала ярче. Комната решила, что человек уже открыл глаза. Человек с ней не согласился.

— Отключить.

Полоса погасла.

— Майор Серёгин, — произнёс женский голос из стены. — Получен приказ первого уровня. Подтвердите пробуждение.

Он нащупал на тумбочке браслет и прижал палец к холодному стеклу.

— Подтверждаю.

— Визуальный контакт не установлен.

— Мне обязательно на тебя смотреть?

— Согласно требованиям допуска первого уровня.

Серёгин сел. Полоса снова появилась и осветила его лицо.

— Довольна?

— Личность подтверждена. Показатели когнитивной готовности ниже рекомендованных.

Продолжительность сна — пятьдесят одна минута.

— Этого достаточно.

— Решение зафиксировано.

На стене возник приказ:

КОМАНДИРУ 4-Й ГРУППЫ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ТРАНЗИТА

МАЙОРУ СЕРЁГИНУ А. М.

ПРИБЫТЬ В СЕКТОР Г-12 К 07:30

ГОТОВНОСТЬ К ВЫХОДУ — 16:00

Ни отправителя, ни маршрута, ни состава группы в открытой части не было.

Серёгин коснулся строки допуска. Браслет запросил повторную биометрию, проверил пульс, рисунок сосудов и движение глаз. Приказ раскрылся ещё на один уровень.

НАЗНАЧЕНИЕ: КАЛИНИНГРАДСКИЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КОНТУР

ОСНОВАНИЕ: АВАРИЯ ПОДВОДНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

МАРШРУТ: ГРОДНО — ДРУСКИНИНКАЙ — АЛИТУС — МАРИЯМПОЛЕ — КИБАРТАЙ

ПРОТОКОЛ: ВИЛЬНЮССКИЙ, ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ

Теперь он проснулся.

На личном экране накопилось двадцать три сообщения. Служебные шли первыми: подтверждение повреждения трёх участков «Восточного обхода», закрытие морских подходов к

Калининграду, предварительная атрибуция подводного аппарата, запрос российского правительства на открытие сухопутного транзита.

Ниже находилось сообщение от Лены.

Она не писала ему почти три месяца.

Серёгин открыл.

На короткой записи бывшая жена стояла на кухне в верхней одежде. За её спиной было темно. Аварийная лампа на столе освещала только часть лица.

— У нас с четырёх отключили дом. Говорят, к вечеру включают, но ты же знаешь, что это значит. Миша сейчас пришлёт тебе отдельно. Только не обещай ему ничего, если сам не уверен.

Запись закончилась.

Следующее сообщение было от сына. Без изображения.

Пап, ты знаешь, когда дадут свет?

Серёгин проверил время отправки. Сообщение пришло сорок минут назад.

Он набрал:

Знаю. Скоро.

Подержал палец над отправкой и стёр.

Написал:

Разбираемся. Телефон экономя.

Это было честнее, но звучало так, будто он отвечает не сыну, а дежурному по части.

Он стёр и это.

На сборы ушло четыре минуты.

* * *

Сектор Г-12 находился под старым грузовым терминалом южнее Гродно. С поверхности он выглядел как один из десятков автоматизированных складов: плоские крыши, железнодорожные ветки, площадки беспилотного транспорта. Настоящий терминал начинался ниже.

Лифт опустил Серёгина на сорок метров. Двери открылись в помещение, где мог бы поместиться городской вокзал.

По рельсовым направляющим двигались грузовые платформы. Потолочные краны снимали контейнеры с вагонов, поворачивали их в воздухе и устанавливали на автомобильные шасси. Между машинами ходили люди в силовых поясах и мягких промышленных экзоскелетах. Их движения казались медленными, пока один из них не подхватывал край многотонного модуля и не удерживал его, как лист фанеры.

На дальней стене горела схема будущей колонны.

Двадцать четыре машины.

Восемнадцать грузовых платформ, из них пять — тяжёлые транспортно-энергетические модули.

Они напоминали низкие многоосные полуприцепы, хотя прицепами уже не являлись. Каждая ось имела собственный привод и поворачивалась независимо, распределяя массу по дороге. Головной тягач задавал направление; платформа сама удерживала радиус поворота, дорожный просвет и нагрузку на покрытие.

Груз нельзя было снять обычным краном. Накопитель, преобразователь, охлаждение и силовые шины собирались вместе с платформой и после заводской калибровки считались одним устройством. Разобрать его для воздушной перевозки было возможно. Собрать и запустить в Калининграде до потери энергетического резерва — нет.

Две ремонтные.

Медицинская.

Машина управления.

Два бронетранспортёра сопровождения.

Над каждой висел знак готовности. Зелёных было девятнадцать.

Серёгин приложил браслет к стойке допуска. Терминал признал его командиром и вернул сведения о грузе.

Мобильные накопители энергии.

Преобразователи для городской сети.

Блоки защищённой связи для больниц и аварийных служб.

Резервные оптические узлы.

Комплексы очистки воды.

Медицинские аккумуляторные станции.

Всё выглядело именно так, как должно было выглядеть оборудование для области, оставшейся без энергетического резерва.

— Если верить списку, мы везём свет, воду и здоровье.

Серёгин обернулся.

Подполковник Руденко, белорусский начальник терминала, стоял рядом, застёгивая форменную куртку. Он был невысок, широк в плечах и выглядел так, будто спал ещё меньше Серёгина.

— А если не верить? — спросил Серёгин.

— Тогда лучше не читать список.

Они обменялись рукопожатием.

— Когда пришёл приказ?

— В четыре тридцать восемь. В четыре сорок терминал уже начал поднимать резерв.

— Быстро.

— Для этого его и строили.

— Когда добавили последние пять машин?

Руденко развернул схему.

Зелёных знаков стало двадцать.

— Какие пять?

Серёгин выделил платформы семнадцать — двадцать один. Их карточки появились в составе колонны позже остальных. Внешне они ничем не отличались от модулей сетевого преобразования.

— Эти.

Руденко попытался открыть подробности. Система потребовала допуск, которого у начальника терминала не оказалось.

— Не наши, — сказал он.

— Они находятся на вашем объекте.

— Сейчас здесь много чего находится на нашем объекте. После выхода станет вашим.

— Кто их принял?

— Терминал.

— Человек?

— Человек подтвердил соответствие пломб.

— Кто?

Руденко снова проверил карточку.

— Дежурный офицер. Его допуска хватало на приём, но не на вскрытие.

— Удобно.

— Это военный склад, Артём Михайлович. Здесь вообще многое устроено удобно. В основном для тех, кто отдаёт приказы.

К ним подошла грузовая платформа. На ней стоял матово-серый контейнер без обозначений. По углам располагались узлы автоматического крепления, на боковой поверхности — три цифровые пломбы.

Две российские.

Одна международная.

Серёгин запросил данные.

МОДУЛЬ СТАБИЛИЗАЦИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СЕТИ

КЛАСС: ДВОЙНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

ВСКРЫТИЕ ВНЕ МЕСТА УСТАНОВКИ ЗАПРЕЩЕНО

СЕРТИФИКАТ ТРАНЗИТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПОДТВЕРЖДЁН

Рядом с последней строкой горела зелёная отметка.

— Международный сертификат получили за три часа? — спросил Серёгин.

— За два часа семнадцать минут.

— Литовцы его приняли?

— Автоматическая предварительная проверка приняла.

— Я спросил о литовцах.

Руденко пожал плечами:

— Люди пока согласовывают открытие границы. Их система уже согласилась с грузом.

Серёгин увеличил данные сертификата. Документ прошёл через компанию «NordSec Transit», входившую в международный сертификационный контур. Подписи России, Беларуси и литовской транзитной службы были действующими. Литовская подпись принадлежала не человеку, а доверенному модулю предварительного допуска.

Формально этого хватало, чтобы начать движение.

Формально.

— Командир прибыл?

Голос раздался позади них.

Генерал-майор Рогов шёл между платформами без сопровождения. Высокий, сухой, в простой полевой форме без знаков парадного представительства. Его личность подтверждала сама среда: двери открывались раньше, чем он к ним приближался, закрытые карточки груза становились доступными, охранные дроны поворачивали камеры в другую сторону.

Руденко вытянулся.

Серёгин ограничился установленным приветствием.

— Товарищ генерал.

— Срок выхода видели?

— Видел.

— Уложитесь?

— Если Литва откроет маршрут.

— Она обязана его открыть.

— После досмотра.

Рогов остановился перед серым контейнером.

— Для того и существуют сертификаты.

— Сертификат не отменяет выборочную проверку.

— Вскрытие этого класса запрещено условиями безопасности.

— Можно просветить.

— Пусть просвечивают.

Серёгин вывел карту внутренней плотности контейнера. Данные были представлены в упрощённом виде: массивные силовые блоки, преобразователи, охлаждение, система управления. Любой дистанционный сканер увидит примерно то же самое.

— Что внутри?

— Написано на корпусе.

— Я умею читать.

— Тогда зачем спрашиваете?

Руденко отвёл взгляд. Терминал продолжал работать вокруг них, словно генерала здесь не было.

Серёгин подошёл ближе к контейнеру. На верхней кромке он заметил четыре закрытых порта. Для обычной преобразовательной станции их было слишком много.

— Это военный модуль связи.

Рогов не ответил.

— Возможно, два модуля. Связь и управление автономными системами.

— Калининградский оборонительный контур потерял три подводные линии.

— В приказе написано «энергетический».

— Потому что без энергии не работает связь. Без связи не работает оборона. Хотите ещё разложить по отдельным словам?

— Военный груз запрещён Вильнюсским протоколом.

— Наступательный военный груз.

— Любое вооружение и элементы боевого управления.

— Внутри нет оружия.

— Но есть управление оружием.

Рогов посмотрел на него почти с интересом:

— Вы хотите оставить область без защищённой связи, потому что литовские юристы могут не согласиться с названием оборудования?

— Я хочу знать, что охраняю.

— Вы охраняете груз Российской Федерации.

— Если досмотр найдёт несоответствие, конвой остановят. Вместе с настоящими накопителями, больничными станциями и всем остальным.

— Поэтому несоответствия не найдут.

— А если найдут?

— Не найдут.

Серёгин ничего не сказал.

Генерал коснулся пломбы. Зелёная отметка развернулась в цепочку разрешений.

— Эти модули действительно нужны Калининграду. Они не предназначены для прорыва, нападения или захвата территории. Они восстановят то, что было выведено из строя диверсией.

— Которую уже приписали нам.

— Тем более.

— Литовцы скажут, что Россия сама повредила кабели, чтобы провести военный груз по их территории.

— Они могут сказать что угодно.

— И будут правы насчёт груза.

Рогов убрал руку от контейнера.

— Майор, вы командовали колоннами в обстановке, где документы вообще никого не интересовали.

— Там не было международного сопровождения.

— Там пытались убить вас сразу. Здесь сначала заполняют форму. Считайте это улучшением.

— Мне нужен письменный приказ принять закрытые модули.

— Он у вас есть.

— В моей части приказа они проходят как энергетическое оборудование.

— Значит, принимайте их как энергетическое оборудование.

— Я прошу подтвердить, что содержание контейнеров известно командованию и соответствует поставленной задаче.

Несколько секунд Рогов смотрел на него.

Серёгин знал этот приём. Начальник молчит, подчинённый начинает объяснять, смягчать, отступать. Он не стал.

Рогов открыл служебный канал. На браслете Серёгина появился новый документ.

СОДЕРЖАНИЕ МОДУЛЕЙ 17–21 ИЗВЕСТНО СТАРШЕМУ КОМАНДОВАНИЮ. ДОСТАВКА НЕОБХОДИМА ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ КРИТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РЕШЕНИЕ О ВКЛЮЧЕНИИ В СОСТАВ ГРУЗА НЕСЁТ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР П. А. РОГОВ.

— Достаточно? — спросил генерал.

Серёгин сохранил документ в защищённом архиве.

— Для принятия груза — да.

— Тогда доведите его.

Рогов отошёл на несколько шагов, но Серёгин окликнул:

— Товарищ генерал.

Тот обернулся.

— Если литовская сторона потребует вскрытия?

— Откажете.

— По протоколу в случае отказа конвой возвращается.

— Не вернётся.

— Тогда это будет прорыв границы.

— Тогда будете действовать по обстановке.

— Мне нужен точный приказ.

— Точный приказ вы получите, если возникнет точная обстановка.

Генерал направился к лифту.

— Чтобы спасти область, достаточно довести груз, майор. Всё остальное потом.

* * *

Старший техник Денис Карпов лежал под машиной управления, хотя машина не требовала, чтобы под ней лежали.

Диагностические разъёмы находились сбоку, механические узлы проверяли себя сами, а повреждение днища терминал обнаружил бы раньше человека. Но под машиной было тихо. Ни начальство, ни диспетчерские окна не возникали прямо перед лицом.

Серёгин нашёл его по торчащим ботинкам.

— Карпов.

— Занят.

— Вижу.

— Тогда зачем зовёте?

— Чтобы услышать, насколько сильно ты занят.

Денис выкатился на гибкой ремонтной подложке. На его груди лежал открытый блок диагностики.

— Сильно. Но не настолько, чтобы спорить с командиром.

— Что случилось?

— Ничего.

— Тогда почему ты под машиной?

— Потому что «ничего» меня и беспокоит.

Денис сел и передал ему диагностический экран.

Колонну должны были сопровождать сорок восемь защитных микродронов. Внутри Литвы они перевозились в закрытых кассетах и находились в транспортном режиме. Протокол допускал только автоматическую самозащиту при подтверждённом нападении на колонну.

— В шесть сорок восемь пришло обновление библиотеки, — сказал Денис.

— Откуда?

— Совместимость с литовской инспекционной системой. Без него их пограничная сеть не даст разрешение на вход.

— В чём проблема?

— Пока ни в чём. Подпись правильная. Контрольная сумма правильная. Пакет проверен российской службой, белорусским терминалом и международным валидатором.

— Значит?

— Значит, он всем нравится. Я не люблю обновления, которые всем нравятся за восемь часов до выхода.

Серёгин пролистал список изменений. Большая часть касалась гражданских беспилотников, дорожных датчиков и литовских досмотровых устройств.

— Что именно изменилось?

— Семантический слой.

— По-русски.

— Названия объектов и связанные с ними реакции. Литовцы по-другому обозначают часть своего оборудования. Наш дрон должен понимать, что их «полевой инспектор» — не разведчик, «маркер ограничения» — не мина, а «перехват маршрута» иногда означает обычную остановку для проверки.

— Разумно.

— Да.

— И что тебе не нравится?

— Ничего конкретного.

— Карпов.

Денис забрал экран и раскрыл историю пакета.

— Обновление обязательное. Откат запрещён на время транзита. Если библиотека не совпадает с согласованной версией, литовская система аннулирует допуск.

— Так предусмотрено протоколом.

— Предусмотрено. Только обычно совместимость проверяют за неделю. Иногда за месяц. А это пришло сегодня.

— Потому что маршрут открывают сегодня.

— Пакет собран не сегодня. Сегодня его активировали.

— Когда собран?

— Дата закрыта сертификатом поставщика.

— Можешь открыть?

— Могу попробовать. Тогда журнал отметит несанкционированный доступ.

— Пока не надо.

Денис недовольно сжал губы.

— Вот и я решил сначала полежать под машиной.

Серёгин просмотрел сертификаты. Российская подпись. Литовская. Международная. Последняя принадлежала той же инфраструктуре, которая подтверждала серые контейнеры.

— «Контур»?

— Он самый.

— Это что-то меняет?

— Нет. Они проверяют половину совместимых систем в Европе. Если начнём подозревать всех, кто участвует в «Контуре», придётся отключить терминал, транспорт, связь и половину собственного оружия.

— Сделай локальную копию текущей библиотеки.

— Она автоматически хранится в архиве.

— Не в общем. Отдельно.

Денис посмотрел на него внимательнее:

— Ожидаете проблему?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Потому что ты меня заразил.

— Чем?

— Нелюбовью к обновлениям, которые всем нравятся.

Денис усмехнулся:

— Здоровое состояние.

— Копию держать вне сети. Никому не передавать без моего приказа.

— Будет сделано.

— И вылезай. Через семь часов граница.

— Шесть часов сорок три минуты.

— Теперь я спокоен.

Серёгин отошёл, но Денис позвал его:

— Товарищ майор.

— Что ещё?

— Микродроны в транспортном режиме всё равно продолжают классифицировать окружение. Просто не имеют права открывать кассеты.

— До подтверждённого нападения.

— Да.

— Это плохо?

— Обычно нет.

— А сейчас?

Денис пожал плечами:

— Сейчас тоже нет. Пока они никого не увидели.

* * *

К полудню Литва предварительно согласовала проход.

Разрешение пришло не от правительства и не от военного командования. Его сформировали двенадцать автоматизированных систем, каждая из которых подтвердила свою часть:

груз соответствует заявленным категориям;

масса не превышает допустимую;

транспорт зарегистрирован;

экипажи прошли проверку;

маршрут свободен;

цифровые пломбы действуют;

защитные системы находятся в транспортном режиме;

экологические ограничения соблюдены;

страховое покрытие подтверждено;

время пересечения границы назначено.

Ни одна система не отвечала за решение целиком.

В 12:17 браслет Серёгина показал:

ТРАНЗИТ ПРЕДВАРИТЕЛЬНО РАЗРЕШЁН

Ниже мелко указывалось:

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ПРИНИМАЕТСЯ ЛИТОВСКОЙ СТОРОНОЙ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ФИЗИЧЕСКОГО ДОСМОТРА

Серёгин подумал о серых контейнерах.

На поверхности шёл холодный дождь. Вода стекала по крышам автономных грузовиков и собиралась на адаптивных панелях, скрывавших тепловой рисунок машин. В гражданском режиме панели выравнивали температуру оборудования, не позволяя ему перегреваться. В военном — затрудняли обнаружение.

Почти вся техника к 2048 году имела двойное назначение. Иногда назначение зависело только от того, кто заполнял документы.

Белорусские операторы вывели машины из подземного терминала. Беспилотные платформы сами заняли места в колонне, выдерживая одинаковое расстояние. Экипажи садились только в головные машины, сопровождение и ремонтные платформы. Остальной транспорт мог пройти весь маршрут без водителей.

Серёгин запретил полностью автономное движение.

— В протоколе разрешено, — напомнил Руденко.

— Знаю.

— Людей меньше подставите.

— Зато, если сеть начнёт раздавать разные команды, у меня останутся водители.

— Не доверяете автоматике?

— Доверяю. Пока рядом есть человек, который может выключить питание.

Руденко посмотрел на колонну:

— Вы точно из двадцать первого века?

— Из первой его половины.

— Тогда понятно.

У погрузочной площадки стояли два бронетранспортёра сопровождения. Их башенные модули были закрыты нейтральными кожухами. Боекомплект опечатан. Противодроновые лазеры переведены на минимальную мощность. Кассеты микродронов заблокированы совместными цифровыми пломбами.

Внутри Литвы вооружение имело право защищать колонну, но не должно было выглядеть готовым к применению.

Серёгин обошёл машины лично.

Командир первого бронетранспортёра капитан Орлов встретил его у открытого люка.

— Люди готовы.

— Настроение?

— Считают, что повезём аккумуляторы, а литовцы будут фотографировать нас на каждом повороте.

— Так и будет.

— Ещё считают, что под аккумуляторами лежит что-то интереснее.

— Кто считает?

— Все.

— Откуда знают?

— Не знают. Поэтому считают.

— Напомни: на провокации не отвечать. Оружие только по моей команде.

— Автоматическая защита?

— Только при подтверждённом нападении.

— Её подтверждает система.

— Потом подтверждаю я.

Орлов посмотрел на него:

— Если времени не будет?

— Значит, будешь молиться, чтобы система оказалась умнее нас.

— Я неверующий.

— Тогда просто надейся.

Серёгин закрыл люк.

На браслете появилось новое сообщение от сына.

У нас батареи уже холодные. Мама говорит, ты опять где-то рядом, но ничего не скажешь.

Серёгин остановился под дождём.

Набрал:

Я везу вам оборудование.

Отправил.

Пришёл ответ:

Ты сам приедешь?

До Калининграда колонна должна была добраться меньше чем за сутки. Если литовцы пропустят. Если не найдут военный груз. Если по маршруту не произойдёт ничего, что превратит чрезвычайный транзит в вооружённый прорыв.

Он мог написать сыну: «Да».

Мог написать: «Постараюсь».

Оба ответа были бы обещанием, которого он не имел права давать.

Серёгин убрал браслет.

* * *

В 15:07 колонна доложила о готовности.

Двадцать четыре машины стояли на мокром бетоне. Над каждой горел зелёный знак допуска. Терминал проверял их как единый объект: если одна пломба потеряет доверенный статус, разрешение аннулируется для всех.

Рогов больше не появился.

Он прислал короткое сообщение:

ГРУЗ ДОСТАВИТЬ. ПРОХОЖДЕНИЕ ОБЕСПЕЧИТЬ. ЭСКАЛАЦИИ НЕ ДОПУСТИТЬ.

Три требования прекрасно сочетались, пока ни одно из них не мешало другому.

Серёгин занял место в машине управления. Перед ним развернулась общая картина колонны: техника, люди, воздушная обстановка, дорожная сеть, разрешённые коридоры, закрытые участки, метеорологические условия.

На отдельном поле находилась литовская картина маршрута. Пока обе версии совпадали.

Денис сел справа и подключил автономный диагностический блок.

— Копия сделана?

— Да.

— Где?

— Если скажу, она перестанет быть отдельной.

— Я командир колонны.

— Поэтому я особенно берегу вас от лишней информации.

Серёгин посмотрел на него.

Денис выдержал взгляд несколько секунд.

— В ремонтном модуле. Физически изолирована. Получить можно только вручную.

— Так бы сразу.

— Тогда вы не оценили бы предусмотрительность.

На панели вспыхнуло подтверждение обновлённой библиотеки угроз:

СОВМЕСТИМОСТЬ С ИНСПЕКЦИОННОЙ СИСТЕМОЙ ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПОДТВЕРЖДЕНА

Зелёная отметка.

Следом появился статус закрытых контейнеров:

ТРАНЗИТНЫЕ СЕРТИФИКАТЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫ

Ещё одна зелёная отметка.

Затем разрешение на выход:

МАРШРУТ БЕЗОПАСЕН

Третья.

— Красиво, — сказал Денис.

— Что?

— Когда всё зелёное.

Серёгин вызвал командиров машин.

— Начинаем движение. Интервал автоматический, подтверждение ручное. Внешняя связь только через машину управления. На запросы литовской стороны отвечать без комментариев. Любое изменение маршрута — после моего подтверждения. Защитные системы не активировать без прямой угрозы.

— Принято.

— Принято.

— Принято.

Ответы прошли по цепочке.

Ворота терминала открылись. За ними лежала мокрая дорога, уходившая на север к границе.

Головная машина тронулась.

Следом одна за другой пошли грузовые платформы. Огромные колёса почти не шумели: каждый привод отдельно подстраивался под покрытие. На поворотах машины чуть смещались относительно общей линии, распределяя нагрузку на дорогу. Сверху колонну прикрывали два высотных ретранслятора, официально считавшиеся гражданскими средствами связи.

Серёгин смотрел, как подземный терминал остаётся позади.

На brasлете всё ещё висел вопрос сына:

Ты сам приедешь?

Он наконец написал:

Если нас пропустят.

Ответ пришёл почти сразу:

А почему могут не пропустить?

Серёгин перевёл взгляд на пять серых контейнеров в середине колонны.

Внутри них находилось оборудование, которое действительно было необходимо Калининграду. Оно не стреляло, не взрывалось и не могло самостоятельно убить человека.

Оно только позволяло управлять тем, что стреляло, взрывалось и убивало.

На общем экране появилась граница литовского сектора наблюдения.

Система запросила разрешение передать ей картину колонны.

— Подтвердить? — спросил Денис.

Серёгин ещё раз посмотрел на зелёные отметки.

Груз принят.

Сертификаты действительны.

Маршрут безопасен.

Для начала движения этого было достаточно.

— Подтверждай.

Глава 2

Сопровождение

26 октября 2048 года, 18:40

Райгардас, литовско-белорусская граница

Российский конвой появился на литовской территории за шесть часов до того, как пересёк границу.

Пока это была только полупрозрачная колонна на оперативной схеме: двадцать четыре машины двигались по расчётному маршруту со скоростью пятьдесят два километра в час. Система прогнозировала остановки, расход энергии, возможные отклонения и время прибытия к каждому контрольному пункту.

Виртуальные грузовики уже прошли Друскининкай, повернули к Алитусу и к полуночи должны были оказаться у второй зоны досмотра.

Настоящие стояли по другую сторону границы.

— Они опаздывают на одиннадцать минут, — сказал Йонас.

— Они ещё не выехали, — ответила Эгле.

— Поэтому и опаздывают.

Старший сержант Йонас Петraitис сидел на складном ящике и пытался открыть объявление на своём личном экране. Система безопасности пограничного сектора блокировала все внешние изображения, пока не проверяла их содержимое.

Над его ладонью висел серый прямоугольник:

МАТЕРИАЛ ОЖИДАЕТ АНАЛИЗА

ВОЗМОЖНА ТЕХНИЧЕСКАЯ СХЕМА

ВОЗМОЖНО ИЗОБРАЖЕНИЕ ОРУЖИЯ

— Что ты опять нашёл? — спросила Эгле.

— Мотоцикл.

— Значит, оружие.

— Настоящий. На бензине.

— Тем более.

Проверка закончилась. Над ладонью появился старый красный мотоцикл с обтекателем, потускневшим от времени. Под фотографией стоял год выпуска — 2031-й.

— Ему семнадцать лет, — сказала Эгле.

— Поэтому недорого.

— Поэтому его продают.

— Хозяин пишет, что аккумулятор новый.

— Если главным достоинством бензинового мотоцикла стал новый аккумулятор, всё остальное уже умерло.

Йонас увеличил фотографию двигателя.

— Его можно восстановить.

— За сколько?

— Если не считать работу?

— Работу ты никогда не считаешь.

— Тогда недорого.

Эгле покачала головой и вернулась к оперативной схеме.

Она не собиралась запоминать этот разговор. Он был одним из сотен разговоров, которыми люди заполняли ожидание: о машинах, детях, ремонте, еде, отпуске. Через несколько часов ей предстояло воспроизводить каждое слово, пытаясь установить, не говорил ли Йонас чего-нибудь необычного.

Но сейчас необычным был только российский конвой.

Его виртуальная копия продолжала двигаться по территории Литвы. Система показывала варианты будущего:

ИТАТНЫЙ ТРАНЗИТ — 61%

ЗАДЕРЖКА ИЗ-ЗА ДОСМОТРА — 23%

ОТКАЗ ОТ МАРШРУТА — 9%

СИЛОВОЙ ИНЦИДЕНТ — 6%

ИНОЕ — 1%

Шесть процентов были выделены жёлтым.

Ещё утром вероятность силового инцидента составляла меньше одного.

— Капитан Вайткуте.

Эгле повернулась к центральной панели. На ней появилось лицо бригадного генерала Катажины Новак. Польский узел управления находился в пятидесяти километрах от границы, но изображение было таким чётким, словно генерал стояла по другую сторону стола.

Автоматический перевод включился без запроса. Новак говорила по-польски, Эгле слышала литовский голос с идеально нейтральной интонацией. Движения губ запаздывали на долю секунды.

Эгле предпочла бы настоящий голос. Даже если пришлось бы переспрашивать.

— Слушаю вас.

— Получены новые данные по подводной диверсии. Предварительная российская атрибуция подтверждена тремя независимыми центрами.

На схеме Балтики возникла траектория аппарата. Красная линия подходила к кабелю, задерживалась у ремонтной муфты и уходила на северо-запад.

— Я видела отчёт.

— Полная версия имеет дополнительное приложение. Допуск вам предоставлен.

Рядом открылся новый документ. В оперативной части говорилось о российской «Мурене-М4». Ниже находилось примечание латвийского оператора о возможном синтезе акустической сигнатуры.

— Вы считаете это подтверждением? — спросила Эгле.

— Три центра получили одинаковый результат.

— Они использовали одну библиотеку.

— Именно для того, чтобы результаты не зависели от личного мнения операторов.

— Значит, это один результат, повторённый три раза.

Переводчик произнёс её слова вежливо и ровно. По лицу Новак было видно, что оригинальная интонация до неё всё-таки дошла.

— Капитан, я не требую от вас политической оценки. Я требую учитывать возможный замысел.

— Какой?

— Россия повреждает собственную линию снабжения. Затем под предлогом аварии получает право провести колонну через территорию НАТО.

— Вместе с литовским сопровождением и под постоянным контролем.

— Если собирается соблюдать протокол.

— Если не собирается, двадцать четыре машины — странное начало вторжения.

— Вторжение начинается не с количества машин. Оно начинается с момента, когда одна сторона перестаёт признавать право другой её остановить.

Эгле посмотрела на виртуальную колонну. Та беспрепятственно двигалась по дороге, потому что в прогнозе никто ещё не принял решения ей помешать.

— Какие у вас сведения о грузе?

— Заявленные категории соответствуют чрезвычайному протоколу. Пять контейнеров имеют ограниченный доступ.

— Основание?

— Оборудование двойного назначения.

— Почти всё энергетическое оборудование двойного назначения.

— Именно поэтому вы проведёте полный досмотр.

— По Вильнюсскому протоколу досмотр является выборочным.

— Ситуация изменилась.

— Протокол не изменился.

Новак ненадолго замолчала.

— Вы отвечаете за безопасность Литвы.

— Поэтому я буду действовать по протоколу. Если мы нарушим его первыми, российский командир получит основание считать наши действия незаконными.

— Его мнение не должно влиять на вашу работу.

— Его мнение будет влиять на то, начнёт ли он стрелять.

Автоматический перевод закончил фразу. На этот раз пауза длилась дольше.

— Не пропустите военный груз, капитан.

— Не пропущу.

— И не позволяйте им отказаться от проверки.

Связь оборвалась.

Йонас опустил руку с изображением мотоцикла.

— Она сказала «не позволяйте»?

— Переводчик сказал.

— А она?

— Она тоже.

— Польская армия будет руководить литовским досмотром?

— Польская армия будет защищать наш тыл, если досмотр закончится стрельбой.

— Очень ободряет.

Эгле закрыла карту Балтики.

— Проверь маяки.

— Проверил.

— Ещё раз.

— Так точно.

Йонас встал, но не убрал объявление.

— Как думаете, уступит?

— Кто?

— Хозяин мотоцикла.

— Если увидит тебя лично — обязательно. Лишь бы ты его забрал.

— Тогда напишу.

Он сохранил объявление и направился к досмотровой площадке.

Эгле проводила его взглядом.

На виртуальной схеме российский конвой остановился. Прогноз синхронизировался с реальностью.

Через одиннадцать минут он должен был подойти к границе.

* * *

Пограничный переход Райгардас перестал быть обычным пунктом пропуска задолго до того, как его официально включили в оборонительный контур.

Старые кабины паспортного контроля сохранили, но теперь они стояли пустыми. Под дорогой находились сканеры, способные измерять плотность и химический состав груза. В лесу работали пассивные датчики. В дорожное покрытие были встроены противотранспортные модули. По обеим сторонам трассы лежали контейнеры с автономными заграждениями.

В мирное время дорога оставалась дорогой.

В случае тревоги она могла за несколько секунд превратиться в минное поле.

Над досмотровой площадкой поднялись четыре литовских дрона. Они не имели оружия и официально считались измерительными платформами. Каждый нёс камеры разных диапазонов, анализаторы воздуха и блок проверки цифровых пломб.

Эгле надела лёгкий защитный комплект. Ткань сама подтянулась на плечах и локтях, распределила вес пластин и выровняла температуру. На воротнике загорелась синяя полоса международного инспектора.

Оружие осталось на поясе. Его система распознала режим досмотра и заблокировала автоматическое целеуказание.

На дороге появились огни.

Сначала пришли данные машин. Через несколько секунд — их звук. Затем из дождя вышел головной бронетранспортёр.

Он двигался медленно, с открытыми опознавательными панелями. Башенный модуль скрывал нейтральный кожух. Над корпусом горела зелёная отметка транзитного допуска.

За ним шла машина управления. Потом тяжёлые грузовые платформы — одинаковые, серые, почти бесшумные. Дождь растекался по адаптивной обшивке, и поверхность меняла оттенок, выравнивая температуру контейнеров.

На оперативной схеме они выглядели менее опасными, чем в действительности.

На экране это были прямоугольники.

На дороге — несколько тысяч тонн российского груза.

Колонна остановилась в размеченных секторах.

Машина управления открыла боковую дверь. Первым вышел офицер сопровождения, за ним — высокий мужчина в полевой форме.

Система подписала его:

СЕРЁГИН АРТЁМ МИХАЙЛОВИЧ

МАЙОР

КОМАНДИР 4-Й ГРУППЫ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ТРАНЗИТА

ЛИЧНОСТЬ ПОДТВЕРЖДЕНА

Эгле подошла к границе безопасной зоны.

— Капитан Эгле Вайткуте. Командир литовской группы сопровождения.

Серёгин ответил по-русски. Переводчик передал:

— Майор Артём Серёгин. Груз принят под ответственность Российской Федерации.

Эгле знала русский достаточно хорошо, чтобы заметить разницу. Серёгин сказал не «под ответственность», а «под мою ответственность».

Переводчик сделал фразу официальнее.

— До завершения транзита ответственность совместная, — сказала она.
Машина перевела её слова на русский.

Серёгин посмотрел на неё:

— Вы предпочитаете говорить через систему?

Эгле ответила по-русски:

— Протокол требует фиксировать перевод.

— Я не спрашивал о протоколе.

— Тогда нет. Не предпочитаю.

На мгновение его лицо изменилось. Не улыбка — скорее признание того, что перед ним находится человек, а не говорящая часть пограничной системы.

— Вы получили список груза? — спросил он.

— Получила.

— Возражения?

— Узнаем после проверки.

— Время ограничено.

— У нас тоже.

Эгле включила официальный канал:

— Начинаем досмотр. Экипажам оставаться в машинах. Защитные системы сохранять в транспортном режиме. Внешние аппараты не запускать. На запросы отвечать через командование колонны.

Серёгин подтвердил.

Над машинами изменились знаки. Зелёный допуск стал синим: объект находился под контролем инспекции.

Первый литовский дрон опустился к головному бронетранспортёру.

Досмотр начался.

* * *

Первые двенадцать машин не вызвали вопросов.

Система сверяла массу с документами, просвечивала контейнеры, анализировала воздух вокруг уплотнений и сравнивала тепловую картину с цифровыми двойниками груза.

Мобильные накопители действительно были накопителями.

Преобразовательные станции соответствовали заявленной мощности.

Медицинские блоки имели незарегистрированные пустоты, но внутри находились резервные батареи, добавленные после оформления списка. Россияне предоставили документ. Подпись оказалась действующей.

Проблемы начались с семнадцатой платформы.

Над ней зависли сразу два дрона. По стенкам контейнера прошли тонкие линии сканирования. На экране Эгле появилось предупреждение:

НЕПОЛНОЕ СООТВЕТСТВИЕ ЦИФРОВОМУ ДВОЙНИКУ

ВЕРОЯТНОСТЬ ОБОРУДОВАНИЯ ДВОЙНОГО НАЗНАЧЕНИЯ — 63%

РЕКОМЕНДОВАНА УГЛУБЛЁННАЯ ПРОВЕРКА

Йонас присвистнул.

— Красивое число.

— Что в нём красивого?

— Достаточно большое, чтобы испугаться. Недостаточно большое, чтобы принять решение.

Серёгин подошёл к границе сектора. За ней его остановил световой барьер.

— В чём задержка?

- Несовпадение внутренней структуры.
- Контейнер имеет сертификат ограниченного вскрытия.
- Мы его видим.
- Тогда видите и техническое описание.

Эгле вывела документ.

— Модуль стабилизации энергетической сети. Почему у него четыре порта защищённой передачи?

- Для управления распределённой нагрузкой.
- Почему один порт соответствует российскому военному стандарту?

Серёгин увеличил изображение.

— Потому что Калининградская сеть обслуживает военные объекты.

— Значит, это элемент военной инфраструктуры.

— Это элемент энергетической инфраструктуры, к которой подключены военные объекты. Как электростанция.

— Электростанция не имеет встроенного блока управления автономными системами.

— Современная имеет.

Он отвечал слишком быстро. Не потому, что лгал неумело, а потому, что приготовил ответы заранее.

Эгле приказала сканеру увеличить глубину. Внутренняя часть контейнера распалась на условные слои. Экранирующая оболочка не позволяла увидеть детали. Система предлагала несколько вариантов содержимого:

СЕТЕВОЙ ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬ — 46%

ЗАЩИЩЁННЫЙ КОММУНИКАЦИОННЫЙ УЗЕЛ — 39%

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ АВТОНОМНЫМИ АППАРАТАМИ — 28%

ИНОЕ — 17%

Проценты пересекались: внутри могло находиться несколько систем одновременно.

— Нужно открыть внешний технический отсек, — сказала Эгле.

— Это нарушит калибровку.

— Только внешний отсек.

— Он входит в защищённый объём.

— Тогда мы задержим контейнер до прибытия совместной комиссии.

— Через сколько она прибудет?

Эгле запросила расчёт.

— Не раньше чем через семь часов.

— Через семь часов в Калининграде начнут отключать критические объекты.

— Это не отменяет досмотр.

— Но должно влиять на его продолжительность.

Серёгин говорил спокойно. Не угрожал и не требовал немедленного пропуска. От этого ситуация становилась сложнее.

Если бы он повышал голос, Эгле было бы проще.

Йонас стоял у контейнера и следил за показаниями ручного анализатора.

— Температура выше модели на две целых четыре десятых, — сказал он.

— Растёт?

— Медленно.

Система подтвердила: внутренний контур охлаждения работал с повышенной нагрузкой.

— Причина? — спросила Эгле.

Российский техник, находившийся рядом с Серёгиным, ответил:

— Длительное ожидание. Модуль рассчитан на движение, часть охлаждения использует встречный поток.

— В контейнере?

— В транспортной оболочке.

— Можно стабилизировать здесь?

— Можно, если подключить внешний контур. Это ещё сорок минут.

Серёгин проверил время:

— Или продолжить движение и провести повторную проверку на втором пункте.

Эгле открыла маршрут. Следующая площадка углублённого досмотра находилась за Али-тусом. Там имелись более мощные сканеры и защищённый сектор для вскрытия контейнеров.

Система предложила три решения:

ЗАДЕРЖАТЬ ВЕСЬ КОНВОЙ

ИЗЪЯТЬ ПЛАТФОРМЫ 17–21

РАЗРЕШИТЬ ДВИЖЕНИЕ С НЕПРЕРЫВНЫМ КОНТРОЛЕМ

У каждого варианта были последствия.

Задержка могла оставить Калининград без резерва.

Изъятие пяти платформ Россия могла объявить нарушением протокола.

Разрешение движения означало, что возможный военный груз окажется внутри Литвы.

— Отсоедините пять платформ, — сказала Эгле. — Остальная колонна может идти.

Серёгин покачал головой:

— Конвой является единым аварийным комплектом.

— В документах оборудование разделено на автономные модули.

— В документах о составе. Не о порядке ввода.

— Тогда предоставьте схему развёртывания.

— Она содержит сведения об объектах назначения.

Они смотрели друг на друга через световую границу сектора.

Система записывала каждое слово, переводила, классифицировала интонации и оценивала вероятность эскалации.

Над колонной жёлтый показатель поднялся с шести до девяти процентов.

— Мне необходимо решение сейчас, — сказал Серёгин.

— Мне необходимы данные.

— Все разрешённые данные переданы.

— Но их недостаточно.

— Недостаточно для чего? Для выполнения протокола или для уверенности, что Россия вас не обманывает?

Эгле не ответила сразу.

— Для уверенности, что по территории Литвы не перевозят запрещённый груз.

— Это один вопрос, сформулированный двумя способами.

В их разговор вмешался новый голос. Переводчик обозначил закрытый канал польского командования.

— Капитан Вайткуте, задержите платформы.

Новак не появилась на экране. Только приказ.

Серёгин не мог слышать закрытый канал, но по лицу Эгле понял, что она получила указание.

— Ваше решение? — спросил он.

Эгле посмотрела на серый контейнер.

Ей не нравилась его внутренняя структура. Не нравились подготовленные ответы Серёгина. Не нравилось, что российский командир потребовал письменную фиксацию каждой процедуры, словно заранее собирал доказательства против Литвы.

Но больше всего ей не нравился приказ Новак.

Слишком лёгкий.

Пять российских платформ ещё не нарушили границу. Их можно было остановить без выстрелов, без риска, без немедленных последствий. Именно так начинаются решения, которые кажутся бесплатными.

А потом одна сторона заявляет, что другая нарушила соглашение первой.

Эгле открыла полный текст Вильнюсского протокола. Пункт чрезвычайного допуска разрешал движение спорного груза до следующего оснащённого пункта при трёх условиях:

пломбы остаются целыми;

обеспечивается непрерывный контроль;

командир конвоя письменно соглашается на повторный досмотр.

Она переслала форму Серёгину.

— Платформы продолжают движение до Алитуса. Там проводится углублённая проверка. Вы заранее соглашаетесь на неё и не можете сослаться на нехватку времени.

Серёгин прочёл.

— Без вскрытия защищённого объёма.

— Способ проверки определяет литовская сторона в пределах протокола.

— Эта формулировка допускает вскрытие.

— Да.

— Я не могу согласиться.

— Тогда пять платформ остаются здесь.

Серёгин перевёл взгляд на российского техника. Тот едва заметно покачал головой.

— Добавьте совместное решение о вскрытии, — сказал Серёгин.

— Протокол этого не требует.

— Тогда я не подпишу.

На схеме вероятность силового инцидента поднялась до двенадцати процентов.

Эгле выключила прогноз.

— Почему? — спросил Серёгин.

— Он мешает разговаривать.

— У вас было двенадцать?

— У вас?

— Одиннадцать.

— Значит, наши системы тоже не могут договориться.

Серёгин снова перечитал форму.

— Если проверка подтвердит соответствие заявленной категории, движение продолжается немедленно.

— Да.

— Если возникнет спор, решение принимают представители России и Литвы без вмешательства третьей стороны.

Эгле поняла, кого он имеет в виду.

— Польша не является стороной транзитного протокола.

— Тогда впишите.

Она добавила формулировку.

Серёгин подписал.

На контейнере появился дополнительный синий знак непрерывного контроля.

— Движение разрешено, — сказала Эгле.

Через закрытый канал сразу пришло сообщение Новак:

ПОДТВЕРДИТЕ ОСНОВАНИЕ ОТКЛОНЕНИЯ ОТ РЕКОМЕНДАЦИИ

Эгле закрыла его, не отвечая.

* * *

Перед выходом Йонас принёс контейнер с инспекционными маяками.

Новые устройства были размером с ладонь. После установки они подключались к совместной сети, обозначали границы зоны проверки и сообщали автономным машинам, что действия инспекторов не являются угрозой.

Старые были тяжелее, с механическими зажимами и отдельным блоком памяти.

— Двенадцатые опять теряют синхронизацию, — сказал Йонас.

— Все?

— Три из восьми. Помехи со стороны колонны.

— Намеренные?

— Скорее защитный фон. Их связь не выходит за разрешённые параметры, но новые маяки слишком умные. Постоянно проверяют сеть, получают разные ответы и начинают проверять проверку.

— Можно обновить?

— Обновление уже стоит.

Йонас показал журнал. Пакет совместимости был установлен несколько часов назад и подписан международным валидатором.

Зелёная отметка.

— Перезагрузи.

— Перезагружал.

— Ещё раз.

— Капитан, если перезагрузка не помогла первые три раза, четвёртая означает, что мы молимся.

— Ты же собирался купить мотоцикл 2031 года. Не рассказывай мне о рациональности.

— Там всё механическое. Ударил — заработало.

— Или окончательно сломалось.

— Зато результат понятен.

Он поднял старый маяк.

— Возьму седьмые. У них автономная память и оптическое подтверждение. Сеть не нужна.

Эгле открыла допуск устройства. Система показала:

МОДЕЛЬ ИМ-7

СТАТУС: РАЗРЕШЕНА ДО 31.12.2048

СОВМЕСТИМОСТЬ С АКТУАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКОЙ УГРОЗ: ПОДТВЕРЖДЕНА С ОГРАНИЧЕНИЯМИ

— Какие ограничения?

Йонас раскрыл приложение.

— Различие смысловых профилей.

— По-человечески.

— Старый маяк сообщает: «Я установлен». Новый сообщает: «Инспекционное устройство установлено уполномоченным сотрудником с такой-то целью и на такое-то время».

— Российская система поймёт старый?

— Должна. Для неё загружен совместимый словарь.

— «Должна»?

— Так написано.

Эгле прочла техническое примечание. Оно занимало три страницы. В конце находилась рекомендация применять старую модель при нарушении сетевого обмена.

— Возьми два новых и два старых.

— Чтобы каждый мог выбрать, как именно не работать?

— Чтобы у нас оставался выбор.

Йонас уложил устройства в разгрузочный контейнер.

— Хозяин ответил.

— Какой хозяин?

— Мотоцикла. Говорит, может показать завтра вечером.

— Сначала переживи сегодняшнее дежурство.

— У меня оно заканчивается в шесть.

— Именно поэтому я сказала «переживи».

Он улыбнулся и пошёл к машине.

Эгле заметила на своём экране ещё одно предупреждение:

МОДЕЛЬ ИМ-7

ВОЗМОЖНО НЕОДНОЗНАЧНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ «РАЗВЁРТЫВАНИЕ»

РИСК: НИЗКИЙ

Она открыла пояснение.

Система сообщала, что в отдельных военных библиотеках установка автономного устройства рядом с маршрутом могла обозначаться тем же термином, что и развёртывание заграждения.

Ни одного зафиксированного инцидента не было.

Совместимый словарь должен был устранять неоднозначность.

Эгле подтвердила ознакомление.

Предупреждение исчезло.

* * *

В 22:31 российский конвой вошёл на территорию Литвы.

Впереди двигалась машина Эгле. За ней — литовский беспилотный разведчик, российский бронетранспортёр и машина управления Серёгина. Над грузовыми платформами держались инспекционные дроны.

Пограничный комплекс остался позади.

Дорога шла через мокрый лес. Свет фар распределялся по покрытию и не поднимался выше линии кустарника. Придорожные датчики по очереди узнавали колонну, проверяли разрешение и открывали следующий участок.

Эгле видела обе картины движения.

Литовская система обозначала россиян контролируемыми объектами.

Российская — охраняемым конвоем.

Её машина называлась ведущей.

У Серёгина она наверняка называлась машиной внешнего сопровождения.

Пока различие состояло только в словах.

На окраине Друскининкая несколько человек стояли под дождём и снимали колонну. Городская сеть закрывала их лица нейтральными масками, но военные системы пытались распознать позы, предметы в руках и возможные признаки подготовки нападения.

Один мужчина поднял над головой российский флаг.

Через дорогу женщина развернула литовский.

Системы обеих сторон классифицировали происходящее как мирную демонстрацию с повышенной вероятностью провокации.

Колонна прошла между ними.

— Температура семнадцатого продолжает расти, — сообщил Йонас.

— Насколько?

— Ещё на одну целую одну десятую. Пока в допуске.

— Внешнее охлаждение?

— Российский техник говорит, подключилось.

— А данные?

— Показывают, что подключилось.

— Почему тогда растёт?

— Они говорят, тепловая инерция.

Эгле вызвала Серёгина.

— На семнадцатой платформе сохраняется отклонение.

— Вижу.

— Если температура выйдет за пределы допуска, остановимся раньше Алитуса.

— Насколько раньше?

— На ближайшей защищённой площадке.

— Она оборудована для проверки?

— Для первичной.

— Мы договорились об Алитусе.

— Мы договорились, что груз должен прибыть туда в безопасном состоянии.

Серёгин помолчал.

— Предупредите перед остановкой.

— Разумеется.

Связь закончилась.

В 23:44 над лесом появился новый ретранслятор.

Он находился на высоте почти восемнадцати километров и медленно смещался параллельно маршруту. Литовская система определила его как гражданскую стратосферную платформу связи.

Разрешение было действующим.

Владелец — международный инфраструктурный консорциум.

Назначение — резервирование сетей в зоне аварии.

Эгле запросила подробности. Часть данных оказалась закрыта условиями коммерческой безопасности.

— Йонас, ты видишь верхний ретранслятор?

— Вижу.

— Он был в плане?

— Нет.

— Чей?

— Формально ничей. Международный.

— Международного не бывает.

— Тогда понемногу всех.

Платформа держалась над ними ещё несколько минут. Затем исчезла с литовской картины наблюдения.

Российская система продолжала её видеть.

Эгле запросила причину расхождения.

ОБЪЕКТ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ УГРОЗЫ

ОТОБРАЖЕНИЕ СКРЫТО ДЛЯ СНИЖЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ НАГРУЗКИ

Она вернула его вручную.

В 23:52 температура семнадцатого контейнера достигла предупредительного уровня.

До Алитуса оставалось сорок три минуты.

Ближайшая защищённая площадка находилась в трёх километрах впереди.

Эгле включила общий канал:

— Всем машинам снизить скорость. Подготовиться к внеплановой остановке. Российскому командованию подтвердить перевод защитных систем в режим досмотра.

Ответ Серёгина пришёл через две секунды:

— Подтверждаю. Причина остановки?

— Повторная проверка семнадцатой платформы.

Она передала координаты.

Система рассчитала время прибытия — 00:13.

На карте дорога впереди была свободна. Придорожные датчики работали. Минные модули находились в безопасном режиме. Неизвестный ретранслятор снова появился над лесом, теперь уже на обеих картинах наблюдения.

Все системы подтверждали, что маршрут безопасен.

Эгле проверила это ещё раз.

Потом ещё.

Результат не изменился.

Глава 3

Три секунды

27 октября 2048 года, 00:13

Дорога Друскининкай — Алитус

Защищённая площадка оказалась обычным расширением дороги.

Двести метров ровного покрытия, бетонный отбойник, полоса леса с обеих сторон. На обочине стояли два аварийных терминала, над въездом висел литовский досмотровый дрон. Всё остальное скрывалось под землёй и среди деревьев.

Система сопровождения подтвердила:

ЗОНА СОВМЕСТНОГО КОНТРОЛЯ

МИННЫЕ МОДУЛИ: БЕЗОПАСНЫЙ РЕЖИМ

АВТОНОМНОЕ ОРУЖИЕ: ОГРАНИЧЕНО

УРОВЕНЬ УГРОЗЫ: НИЗКИЙ

Серёгин приказал колонне остановиться.

Машины разошлись по размеченным секторам. Грузовые платформы продолжали работать почти беззвучно. Только насосы системы охлаждения на семнадцатом контейнере гудели сильнее обычного.

Температура превысила расчётную уже на четыре градуса.

— Внешний контур исправен? — спросил Серёгин.

Денис проверил параметры.

— Исправен.

— Тогда почему растёт?

— Потому что модель врёт или датчик врёт.

— А содержимое?

— Содержимое не умеет врать. Оно может только перегреться.

Серёгин вызвал закрытую карточку контейнера. Даже его допуск не позволял увидеть полную схему. Система показывала только предельную температуру и время до автоматического отключения.

Двадцать восемь минут.

За лобовым стеклом остановилась литовская машина. Эгле Вайткуте вышла первой. За ней — двое инспекторов и Йонас с жёстким контейнером маяков.

Серёгин включил общий канал:

— Литовская группа вошла в сектор. Всем системам подтвердить режим досмотра.

По колонне прошли ответы.

— Первая — подтверждаю.

— Вторая — подтверждаю.

— Третья — подтверждаю.

На схеме вооружение стало серым. Башенные модули заблокировались. Прицельные системы отвели линии наблюдения от инспекторов. Кассеты защитных микродронов оставались закрытыми совместными пломбами.

Внизу появилось примечание:

АВАРИЙНАЯ САМОЗАЩИТА СОХРАНЕНА В СООТВЕТСТВИИ С ПУНКТОМ 8.4

Пункт позволял системе самостоятельно реагировать на непосредственное минирование маршрута или попытку дистанционно вывести колонну из строя. Это исключение согласовали после того, как несколько лет назад гражданский конвой въехал в умное ограждение, ожидая человеческого подтверждения.

Тогда промедление стоило жизни девяти людям.

Теперь решили, что машина не должна ждать.

— Внешние камеры передают литовцам полный поток? — спросил Серёгин.

— С задержкой сто двадцать миллисекунд, — ответил Денис.

— Почему задержка?

— Маршрут идёт через верхний ретранслятор.

— У нас прямая линия.

— Была. После остановки система сама выбрала резервную как более устойчивую.

— Верни прямую.

Денис коснулся панели.

— Запросил.

— Не запросил. Верни.

— Ручное переключение нарушит согласованный профиль связи.

— Денис.

— Переключаю.

Схема мигнула.

ИЗМЕНЕНИЕ КАНАЛА ТРЕБУЕТ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ОБЕИХ СТОРОН

Запрос ушёл литовской машине.

Эгле в это время стояла у семнадцатой платформы и смотрела на данные ручного сканера. Возможно, запрос затерялся среди других уведомлений. Возможно, её система решила, что он не требует немедленной реакции.

Серёгин видел только отметку:

ОЖИДАНИЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ

— Оставь, — сказал он. — Потом.

Йонас открыл контейнер маяков.

Сначала он достал новое устройство — плоское, белое, размером с ладонь. Положил его у границы досмотрового сектора.

Маяк поднялся на коротких опорах, нашёл сеть и передал идентификатор.

На российской схеме появился синий круг:

ЛИТОВСКОЕ ИНСПЕКЦИОННОЕ УСТРОЙСТВО

УГРОЗА ОТСУТСТВУЕТ

Йонас прошёл вдоль контейнера и установил второй маяк.

Он несколько раз мигнул жёлтым. Синий круг появился, пропал, затем возник снова.

— У них нестабильная связь, — сказал Денис.

— Вижу.

— Наши системы получают разные границы зоны.

На экране сектор досмотра то расширялся, захватывая половину колонны, то сжимался вокруг одной платформы.

Серёгин вызвал Эгле:

— Ваши маяки теряют синхронизацию.

— Поэтому устанавливаем автономный.

— Он есть в согласованной библиотеке?

— Есть.
— Подтвердите идентификатор до установки.
— Передаём сейчас.
Пришёл пакет.

УСТРОЙСТВО ИМ-7

НАЗНАЧЕНИЕ: МАРКИРОВКА ЗОНЫ ИНСПЕКЦИИ

СТАТУС: ДОПУЩЕНО С ОГРАНИЧЕНИЯМИ

— Какие ограничения? — спросил Серёгин.
Денис уже открывал приложение.
— Различие семантических профилей.
— По-русски.
— Опять слова.
— Какие именно?
— Сейчас.

За стеклом Йонас достал старый маяк.

Он был тяжелее новых — тёмный цилиндр с механическими опорами и ручным фиксатором. Такой не подключался к общей сети постоянно. После установки он создавал собственную локальную зону и сохранял все действия во внутренней памяти.

Йонас поставил контейнер на землю и направился к передней части семнадцатой платформы.

— Эгле, подождите, — сказал Серёгин.

Переводчик повторил его слова по-литовски.

Она обернулась.

Йонас продолжал идти. Вероятно, не слышал внешнего канала или решил, что приказ относится не к нему.

На экране Дениса раскрылось семантическое приложение.

Три определения стояли рядом:

РАЗМЕЩЕНИЕ ИНСПЕКЦИОННОГО МАРКЕРА УСТАНОВКА УСТРОЙСТВА ОГРАНИЧЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ РАЗВЁРТЫВАНИЕ СРЕДСТВА ИММОБИЛИЗАЦИИ

— Вот, — сказал Денис. — В литовском профиле это разные действия. В переходном словаре второе и третье объединены.

— Почему?

— Потому что устройство физически ограничивает вход в сектор.

— Для нашей системы это что?

Денис не успел ответить.

Йонас опустил на одно колено.

Поставил маяк на мокрое покрытие.

Развёл механические опоры.

На схеме появился новый объект.

Сначала синий:

ИНСПЕКЦИОННЫЙ МАРКЕР

Потом жёлтый:

УСТРОЙСТВО ОГРАНИЧЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ

Затем красный:

ВЕРОЯТНОЕ СРЕДСТВО ИММОБИЛИЗАЦИИ КОЛОННЫ

Под надписью быстро менялась вероятность.

Сорок три процента.

Пятьдесят восемь.

Шестьдесят четыре.

Йонас нажал на верхнюю часть маяка, закрепляя его на дороге. Из корпуса вышли три коротких грунтовых фиксатора.

Российская система обнаружила проникновение в покрытие.

Шестьдесят восемь процентов.

К изображению маяка добавился человек.

ОПЕРАТОР НЕИДЕНТИФИЦИРОВАННОГО УСТРОЙСТВА

— Он в списке инспекторов, — сказал Серёгин.

— Система потеряла привязку, — ответил Денис. — Новый канал ещё не подтверждён.

— Привяжи ручную.

Денис уже работал.

Йонас повернул фиксатор.

Маяк передал короткий автономный импульс.

На экране вспыхнуло:

ВОЗМОЖНОЕ РАЗВЁРТЫВАНИЕ МИННОГО ЗАГРАЖДЕНИЯ

НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ УГРОЗА

УВЕРЕННОСТЬ: 71%

В нижней части панели появилась красная полоса.

АВАРИЙНАЯ САМОЗАЩИТА РАЗРЕШЕНА

РЕШЕНИЕ ЧЕРЕЗ: 3,0

Серёгин ударил ладонью по отмене.

Система запросила биометрическое подтверждение.

2,7

Он прижал большой палец к панели.

2,4

— Отмена огня! — крикнул он.

Голосовой канал передал команду.

КОМАНДА ПОЛУЧЕНА

ПРОВЕРКА ПОЛНОМОЧИЙ

2,0

— Отключай кассеты!

Денис потянулся к аварийному разрыву питания.

1,7

Совместная пломба потребовала подтверждения причины.

1,4

— Физически!

Денис сорвал защитную крышку.

1,1

Серёгин видел Йонаса за стеклом.

Тот всё ещё стоял на одном колене. Одна рука лежала на маяке. Другой он придерживал открытый контейнер. Дождь стекал по его шлему и плечам.

Йонас поднял голову.

Возможно, слышал крик.

Возможно, заметил, как на крыше российского бронетранспортёра раскрылась кассета.

0,8

Из кассеты вышел микродрон.

Не взлетел — выстрелил собой в воздух, раскрыл стабилизаторы и сразу повернул к цели.

0,4

Серёгин успел увидеть на стекле отражение красной полосы.

0,1

Экран подтвердил его личность.

КОМАНДА ОТМЕНЫ ПРИНЯТА

Микродрон выстрелил раньше.

Звук был негромким. Короткий сухой удар, почти потерявшийся в шуме дождя и работающих насосов.

Йонас дёрнулся.

Секунду продолжал стоять на колене, словно не понял, что произошло. Потом опрокинулся на бок рядом с маяком.

Контейнер выпал из его руки.

Эгле побежала к нему.

На литовской схеме разом возникли десятки красных отметок. Досмотровые дроны поднялись выше. Придорожные сенсоры развернулись к российской колонне. Под покрытием проснулись модули заграждения.

Серёгин всё ещё держал палец на панели отмены.

Система сообщила:

УГРОЗА НЕЙТРАЛИЗОВАНА

Вероятность изменилась.

Семьдесят восемь процентов.

Восемьдесят шесть.

Девяносто четыре.

— Почему растёт? — спросил Серёгин.

Денис смотрел на журнал решения.

— Она учитывает результат.

— Какой результат?

— Цель нейтрализована. После этого система решила, что решение было правильным.

За стеклом Эгле опустилась рядом с Йонасом. Медицинский дрон уже летел к ним, мигая белым.

Маяк продолжал стоять на дороге.

На литовской картине он оставался инспекционным устройством.

На российской — обозначал начало минного заграждения.

Обе отметки были подлинными.

Обе системы работали правильно.

До первого ответного выстрела оставалось меньше секунды.

Глава 4

Семнадцать минут

27 октября 2048 года, 00:16

Дорога Друскининкай — Алитус

Сначала Эгле решила, что Йонас поскользнулся.

Он стоял на одном колене возле маяка, потом дёрнулся и упал набок. Почти одновременно над ним пролетело что-то маленькое и чёрное.

Звук выстрела пришёл позже.

— Йонас!

Она бросилась к нему.

Система защиты попыталась остановить её. На внутренней стороне визора вспыхнул красный барьер:

СЕКТОР ПОД ОГНЁМ

РЕКОМЕНДАЦИЯ: УКРЫТИЕ

Эгле пробежала сквозь него.

Йонас лежал на спине. Глаза открыты. Правая рука всё ещё сжимала фиксатор маяка, хотя пальцы уже не двигались.

На бронепластине под ключицей виднелось небольшое отверстие. Крови почти не было.

Эгле прижала ладонь к повреждённому участку и включила медицинский канал.

— Инспектор ранен. Нужна эвакуация.

Белый медицинский дрон спускался к ним. Ещё в воздухе он просканировал тело и вывел над Йонасом полупрозрачную схему.

Повреждение верхней доли лёгкого.

Разрыв крупного сосуда.

Внутреннее кровотечение.

Вероятность выживания без хирургического вмешательства — четыре процента.

Расчётное время доставки в операционный модуль — девять минут.

Через секунду вероятность стала тремя процентами.

Дрон выпустил два манипулятора. Один рассёк ткань защитного комплекта, второй ввёл в рану расширяющийся герметик. Под шеей Йонаса раскрылся воротник поддержания кровообращения.

На экране Эгле появилось:

АВТОНОМНАЯ ЭВАКУАЦИЯ НЕ НАЗНАЧЕНА

ПРИОРИТЕТ: НИЗКИЙ

ОЖИДАЕМАЯ ВЫЖИВАЕМОСТЬ: 2%

— Назначить, — приказала она.

ТРЕБУЕТСЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ МЕДИЦИНСКОГО ОФИЦЕРА

— Командирское подтверждение. Капитан Вайткуте.

КОМАНДИР НЕ ИМЕЕТ ПРАВА ИЗМЕНЯТЬ МЕДИЦИНСКУЮ ОЧЕРЕДНОСТЬ

— Здесь больше нет раненых!

Система помолчала долю секунды.

ДАнные ОБ ОБСТАНОВКЕ НЕПОЛные

— Его зовут Йонас Петraitис. Старший сержант. Назначить эвакуацию.

Медицинский дрон продолжал работу, но носилки не вызывал.

Эгле попыталась найти пульс. Система показывала слабую электрическую активность сердца, не превращавшуюся в движение крови.

Над дорогой раздался резкий хлопок.

Чёрный российский микродрон вспыхнул белым и упал в нескольких метрах от Йонаса. Литовский противодроновый пост уничтожил его коротким лазерным импульсом.

На визоре появилось подтверждение:

АТАКУЮЩИЙ АППАРАТ НЕЙТРАЛИЗОВАН

Через мгновение вся российская колонна исчезла.

Не физически.

Из корпусов грузовиков вырвался плотный серый аэрозоль. Облако закрыло видимый свет, инфракрасный диапазон и часть радиолокационных частот. Машины превратились в расплывчатые тёмные пятна.

Российская система восприняла уничтожение дрона как продолжение нападения.

Над колонной раскрылись кассеты перехватчиков.

— Не стрелять! — приказала Эгле. — Всем системам удержание огня!

Её команда прошла по литовской сети.

Придорожные модули прекратили сопровождать российские цели.

Но воздушные перехватчики уже поднялись. Часть принадлежала литовской стороне, часть — российской. Маленькие аппараты металась над дорогой, выбирая друг друга, меняя классификацию и уклоняясь от столкновений.

Один литовский дрон выпустил захватную сеть.

Российский перехватчик разрезал её и ударил аппарат корпусом. Оба упали в лес.

В аэрозоле кто-то выстрелил.

Одиночный винтовочный выстрел.

Эгле не увидела, с какой стороны.

Системы увидели сразу несколько вариантов.

ВОЗМОЖНЫЙ ОГОНЬ РОССИЙСКОЙ ПЕХОТЫ — 42%

ВОЗМОЖНЫЙ ОГОНЬ ЛИТОВСКОЙ ГРУППЫ — 37%

АКУСТИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ — 21%

Второй выстрел пришёл справа.

Потом короткая очередь.

Литовский инспектор Томас Юкнявичюс упал за колесом служебной машины и направил оружие в серое облако.

— Томас, не стрелять!

— По нам работают!

— Цель видишь?

— Движение у бронетранспортёра!

— Это их экипаж!

— Он направил оружие!

— Как и ты!

Томас опустил ствол, но система его оружия продолжала удерживать выбранную точку. На визоре Эгле российская фигура за дымом обозначилась красным контуром.

ВЕРОЯТНОЕ НАМЕРЕНИЕ ОТКРЫТЬ ОГОНЬ — 68%

— Снять сопровождение цели!

Красный контур исчез.

На его месте возникли ещё три.

Медицинский дрон сообщил:

СЕРДЕЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕКРАЩЕНА

Эгле посмотрела на Йонаса.

Его лицо оставалось спокойным. Дождь собирался на бровях и стекал к вискам. Манипуляторы продолжали вводить препараты, потому что она отменила автоматическое прекращение помощи.

— Запустить реанимацию, — сказала она.

ОЖИДАЕМАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ НИЖЕ ПОРОГА

— Запустить.

Манипулятор начал ритмично сжимать грудную клетку.

Через общий канал наконец пришёл голос Серёгина:

— Отмена огня! Всем подразделениям прекратить огонь! Литовской стороне — мы не атакуем!

Последние слова наложились на звуки новых выстрелов.

— Вы только что убили моего человека! — ответила Эгле.

Переводчик попытался смягчить формулировку:

— Ваше автономное средство нанесло смертельное поражение сотруднику инспекции.

Она выключила перевод.

— Вы убили Йонаса!

Серёгин понял и без системы.

— Я отдавал отмену.

— После выстрела?

— До.

— Ваш дрон атаковал без предупреждения.

— Он классифицировал маяк как минное средство.

Эгле посмотрела на тёмный цилиндр рядом с рукой Йонаса.

Синий знак литовской системы оставался над ним:

ИНСПЕКЦИОННЫЙ МАРКЕР

— Это маяк.

— Я вижу.

— Тогда почему вы стреляли?

— Я не стрелял.

— Дрон принадлежит вашей колонне.

— Я пытался его остановить.

В аэрозоле снова вспыхнул свет. Литовский лазер поразил второй аппарат. Российская система выпустила облако ложных целей. Над лесом появились десятки одинаковых тепловых отметок.

— Уберите дроны! — потребовала Эгле.

— Уберите ваши системы сопровождения!

— Они сопровождают угрозу!

— Наши делают то же самое!

Их разговор снова прервала стрельба.

Одна из литовских наземных платформ вышла из леса. Низкая, шестиколесная, предназначенная для эвакуации людей из опасной зоны. На ней не было оружия, но российская картина обозначила её как возможный дистанционный установщик мин.

Над платформой появился красный прицел.

— Это носилки! — крикнула Эгле.

— Вижу! — ответил Серёгин. — Не трогать медицинскую платформу!

Российский прицел стал жёлтым, затем исчез.

Наземный робот подъехал к Йонасу и раскрыл носилки. Медицинский дрон передал ему управление жизнеобеспечением.

Эгле помогла переложить тело.

Она знала, что перекладывает уже не раненого. Но не могла оставить Йонаса на дороге под обозначением низкоприоритетного объекта.

В закрытом канале появилось сообщение генерала Новак:

РОССИЙСКАЯ АТАКА ПОДТВЕРЖДЕНА

ГРУППЕ СОПРОВОЖДЕНИЯ ОТОЙТИ

КОНВОЙ БЛОКИРОВАТЬ

ИЗБЕГАТЬ БЛИЗКОГО КОНТАКТА

Эгле запросила основание подтверждения.

Система предоставила видеозапись.

На ней российская кассета раскрывалась, микродрон поднимался над колонной и стрелял в стоящего на колене Йонаса. Звук был очищен, изображение стабилизировано, лицо увеличено.

В углу уже находился заголовок:

РОССИЙСКИЙ БОЕВОЙ ДРОН АТАКОВАЛ ЛИТОВСКУЮ ИНСПЕКЦИОННУЮ ГРУППУ

Под видео стояло время первой публикации.

00:16:21.

Эгле открыла собственный журнал.

Выстрел произошёл в 00:16:08.

Тринадцать секунд могли показаться достаточными. Автоматическая сеть умела за это время получить запись, выбрать фрагмент, перевести подпись и распространить сообщение.

Но камера, с которой был снят ролик, принадлежала второму литовскому досмотровому дрону.

Во время атаки он работал в закрытом режиме.

Его первая передача во внешнюю сеть была зафиксирована в 00:17:02.

— Кто отправил запись? — спросила Эгле.

ИСТОЧНИК ПОДТВЕРЖДЁН

ЛИТОВСКАЯ ИНСПЕКЦИОННАЯ СИСТЕМА

— Когда она покинула закрытый контур?

00:17:02

— Как публикация появилась раньше?

Система не ответила сразу.

ВОЗМОЖНА РАССИНХРОНИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ

Все устройства получали время от трёх независимых военных источников. Рассинхронизация могла составлять микросекунды, не сорок одну секунду.

Эгле закрыла видео.

Почти одновременно на публичном канале появилась российская версия.

Те же секунды были сняты с другого угла. Йонас стоял на колене, устанавливая тёмный цилиндр у маршрута колонны. Поверх изображения наложили красную схему предполагаемого минного поля.

Заголовок сообщал:

ЛИТОВСКИЕ ВОЕННЫЕ ПОПЫТАЛИСЬ ЗАБЛОКИРОВАТЬ ГУМАНИТАР- НЫЙ КОНВОЙ

Первая публикация — 00:16:24.

Запись сделана российским защитным дроном, который до выстрела не должен был передавать открытый видеопоток.

Два готовых объяснения появились раньше исходных материалов.

Эгле вернулась к Йонасу.

Наземная платформа собиралась увезти его. Рядом с колесом лежал открытый контейнер. Два новых маяка оставались внутри. Старый продолжал работать на дороге.

Она отсоединила съёмный блок памяти. Корпус маяка сразу предупредил:

НАРУШЕНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ

АППАРАТНЫЙ КОРЕНЬ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ОСТАЁТСЯ В УСТРОЙСТВЕ

Чтобы извлечь весь блок, требовалось снять маяк с покрытия. На это ушло бы не меньше минуты.

Над дорогой снова прошла очередь.

— Капитан, нужно уходить! — крикнул Томас.

Эгле спрятала память во внутренний карман.

Корпус маяка остался возле руки Йонаса.

* * *

В 00:22 колонна была почти полностью скрыта аэрозолем.

Ни одна сторона не вела прицельного огня по людям, но системы продолжали сражаться друг с другом.

Литовские дроны ослепляли российские сенсоры.

Российские аппараты ставили помехи.

Придорожные платформы перекрывали сектора.

Защитные системы уничтожали всё, что пыталось приблизиться к машинам.

Каждое действие считалось ответным.

Эгле приказала своей группе отойти за бетонный барьер. Наземный медицинский робот увёз Йонаса. Томас получил осколок в плечо, когда российский перехватчик уничтожил наблюдательный дрон над их позицией.

Система присвоила ему высокий приоритет эвакуации.

Живому всегда требовалось меньше доказательств, чем мёртвому.

В 00:25 поступило сообщение о приведении польских частей в повышенную готовность.

В 00:26 Россия потребовала немедленно прекратить «незаконное вооружённое блокирование транзита».

В 00:27 Литва официально заявила о нападении на инспекционную группу.

В 00:28 объединённое командование изменило статус российского конвоя:

КОНТРОЛИРУЕМЫЙ ОБЪЕКТ

стал

ПОТЕНЦИАЛЬНО ВРАЖДЕБНЫМ ВООРУЖЁННЫМ ФОРМИРОВАНИЕМ.

В 00:29 российская система изменила статус литовского сопровождения:

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПРИНИМАЮЩЕЙ СТОРОНЫ

стали

ВЕРОЯТНЫМИ УЧАСТНИКАМИ НАПАДЕНИЯ.

Люди оставались теми же.

Эгле снова вызвала Серёгина.

— Нам нужно остановить системы.

— Согласен.

— Вы отключаете микродроны и активные помехи.
— После того как ваши посты снимут сопровождение.
— Если мы снимем сопровождение первыми, ваша система получит свободные цели.
— Если мы отключим помехи первыми, ваши дроны получают наши координаты.
Они замолчали.

Ни один не мог выполнить условие другого, не поставив своих людей под угрозу.

— Одновременно, — сказала Эгле.

— По чьему времени?

Она проверила время.

После двух видеозаписей даже общий источник времени перестал казаться нейтральным.

— Визуально, — сказала она. — Без сети.

— Как?

Эгле поднялась из-за барьера.

Система немедленно предупредила:

ОТКРЫТАЯ ПОЗИЦИЯ

ВЕРОЯТНОСТЬ ПОРАЖЕНИЯ: 34%

— Капитан! — окликнул Томас.

Она вышла на середину дороги.

В сером аэрозоле почти ничего не было видно. Только тёмные массы грузовиков и редкие красные вспышки предупреждений.

Эгле подняла пустую левую руку.

Показала ладонь.

Ничего не происходило.

Затем из дыма вышел Серёгин.

Его система тоже пыталась вернуть его в укрытие. Красные символы отражались на защитном стекле шлема.

Он остановился напротив неё и поднял руку.

Эгле медленно опустила оружие на землю.

Серёгин сделал то же самое.

Она отключила литовскую систему сопровождения ближайших целей.

Он передал команду своим кассетам.

Над дорогой начали гаснуть красные отметки.

Сначала исчезли прицелы.

Потом прекратили движение перехватчики.

Аэрозоль медленно оседал на мокрое покрытие и ветви деревьев. Из него проступили машины, люди и разбитые дроны.

В 00:33 стрельба прекратилась.

Ровно через семнадцать минут после первого выстрела.

На оперативной карте дорога к северу и югу от колонны стала красной. Автономные заграждения вышли из безопасного режима. Под покрытием поднялись противотранспортные блоки. Лесные минные модули закрыли обходные маршруты.

Российский конвой больше не мог двигаться ни в Калининград, ни обратно к белорусской границе.

Эгле подняла своё оружие с дороги.

Серёгин сделал то же.

Теперь их разделяло не больше пяти метров. Они могли говорить без переводчика и сети.

— Я действительно отдавал отмену, — сказал он.

Эгле посмотрела на него.

Она не знала, верить ли человеку, чья машина только что убила Йонаса.

Но уже знала, что не верит видеозаписям, которые доказывали его вину.

За семнадцать минут системы успели определить агрессора, назначить цели, собрать две версии событий и сообщить миру, что война началась.

Люди успели только перестать стрелять.

Глава 5

Лес видит всё

27 октября 2048 года, 02:10

Августовские леса

Лес увидел человека как восемьдесят четыре килограмма движущегося тепла.

Он появился у литовской дороги, прошёл между двумя соснами и на три секунды остановился возле поваленного дерева. Этого хватило, чтобы ближайшие датчики измерили температуру тела, частоту дыхания, распределение веса и следы веществ на одежде.

Человек был вооружён.

На нём находился российский защитный комплект.

Он двигался от заблокированного конвоя в сторону польской границы.

Система обозначила его красным.

ВЕРОЯТНЫЙ РОССИЙСКИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИЙ

ДЕЙСТВИЯ: УКЛОНЕНИЕ ОТ НАБЛЮДЕНИЯ

ВОЗМОЖНАЯ ЗАДАЧА: ДИВЕРСИЯ

УВЕРЕННОСТЬ: 76%

— Нет, — сказал Якуб Врона.

Красный контур остался.

— Снять оценку задачи.

ТРЕБУЕТСЯ ОСНОВАНИЕ

— Недостаточно данных.

ДАННЫЕ ДОСТАТОЧНЫ ДЛЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

— Тогда оставь военнослужащего. Диверсию убери.

Система заменила надпись:

ВОЗМОЖНАЯ ЗАДАЧА: НЕ УСТАНОВЛЕНА

Красный цвет стал оранжевым.

Якуб откинулся в кресле.

Перед ним не было обычных экранов. Стены подземного поста изображали лес таким, каким его не мог увидеть человек.

Одни деревья светились теплом, другие обозначались только контурами. Под землёй расходились линии волоконных датчиков. Над кронами висели области воздушного наблюдения. На тропах мерцали следы животных и людей. Каждое движение оставляло короткую историю: ветка качнулась, влажный мох изменил давление, птицы замолчали, в воздухе появилась частица оружейной смазки.

Официально комплекс назывался Северо-восточной системой пассивного контроля местности.

Операторы называли его Лесом.

Он не был единым искусственным интеллектом. Сотни независимых систем наблюдали за собственными участками и передавали результаты общей модели. Ошибка одного датчика ничего не значила. Ошибка сотни становилась реальностью.

Якуб снова приблизил фигуру.

Человек двигался неровно. Иногда прихрамывал. Несколько раз прислонялся к деревьям. Температура левой ноги была ниже правой — защитная ткань повреждена или намокла.

Для диверсанта он выбирал плохой маршрут.

Слишком открытый для воздушного наблюдения.

Слишком сложный для быстрого движения.

И направлялся не к военному объекту, а к старой лесной дороге, которой почти не пользовались.

— Может, потерялся, — сказал Якуб.

— Кто? — спросила дежурная с соседнего места.

— Русский.

— Тогда тем более диверсанта. Обычный человек потерялся бы в другую сторону.

Наталия развернула к себе часть карты.

— Это из колонны?

— Похоже.

— Передавай литовцам.

— Уже передал.

— Полякам?

— Мы и есть поляки.

— Ты понял.

Якуб отправил уведомление в региональный штаб. Система предложила направить ближайшую группу перехвата.

Он подтвердил наблюдение, но не задержание.

— Почему не берёшь? — спросила Наталия.

— Пусть сначала литовцы скажут, кто он.

— Через пять минут он будет в совместной зоне.

— Через семь.

— Система говорит пять.

— Система считает, что человек пойдёт по прямой.

— А ты?

— Я смотрю на лес.

Человек впереди обходил заболоченный участок. Общая модель прокладывала путь по сухой гряде, которой на самом деле уже не существовало: весенний паводок размыл её полгода назад. Карта знала об изменении, но военная модель маршрутов ещё не получила обновление.

Лес видел почти всё.

Только разные его части не всегда разговаривали друг с другом.

* * *

Якуб вырос в пяти километрах от Августовской пуши. Его отец работал лесником и считал любую карту признанием человеческой беспомощности.

В лесу, говорил он, нет прямой дороги. Есть только дорога, которая пока позволяет считать себя прямой.

После строительства оборонительной системы деревья получили номера. Между корнями проложили волокно. На старых просеках разместили скрытые энергетические узлы. Дроны научились садиться на зарядные площадки, внешне похожие на наросты коры. Под опавшими листьями лежали микрофоны, химические анализаторы и малые наземные аппараты.

Животные привыкли к ним быстрее людей.

Олени чесались о корпуса датчиков.

Лисицы растаскивали маскирующее покрытие.

Дятлы регулярно выводили из строя акустические узлы, потому что система не могла убедить их, что техника не является деревом.

На стене возникло новое предупреждение:

НАРУШЕНИЕ СЕКТОРНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ

УЧАСТКИ 48, 51, 55, 59 ПЕРЕВЕДЕНЫ В РЕЖИМ ТЕХНИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Якуб сверил расположение участков.

Четыре слепые зоны вытянулись от литовской границы на юго-запад.

— Кто открыл обслуживание? — спросил он.

Система показала разрешение.

NORDSEC FIELD INTEGRITY

РАБОТЫ ПОСЛЕ НАРУШЕНИЯ МЕЖСИСТЕМНОЙ СИНХРОНИЗАЦИИ

ПРИОРИТЕТ: ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ

ДОПУСК: ПОДТВЕРЖДЁН

Рядом горела зелёная отметка.

— У нас есть заявка? — спросил Якуб.

Наталия проверила журнал.

— Теперь есть.

— Когда поступила?

— В ноль сорок восемь.

— Почему мы её не видели?

— Система отложила уведомление. Решила, что работы не влияют на боевые функции.

— Они отключили четыре участка.

— Не отключили. Перевели на локальную обработку.

— Для нас это одно и то же.

Якуб открыл технический канал.

— Группа NordSec, говорит польский пост контроля. Подтвердите состав и местоположение.

Ответила автоматическая система:

— Запрос не соответствует установленному уровню взаимодействия. Работы выполняются по международному чрезвычайному допуску.

— Запрашиваю голосовое подтверждение руководителя группы.

— Голосовая связь не предусмотрена.

— Тогда приостановить работы.

— Польский пост не обладает полномочиями отмены международного допуска.

Якуб посмотрел на зелёную отметку.

— Кто обладает?

— Выдавшая организация.

— Связаться с ней.

— Ожидаемое время ответа — один час сорок минут.

— А работы закончатся?

— Через двадцать три минуты.

Связь закрылась.

— Ненавижу вежливые системы, — сказал Якуб.

— Невежливые отвечают то же самое, — заметила Наталия. — Только быстрее.

Якуб наложил слепые участки на маршрут российского военнотружущего.
Они не пересекались.

Пока.

Но если человек продолжит двигаться в том же направлении, через двенадцать минут войдёт в первый сектор технического обслуживания.

— Дай мне необработанные датчики сорок восьмого.

— Они в локальном режиме.

— Это значит, что они продолжают видеть.

— Но не передают.

— Запроси аварийный поток.

Наталия попыталась. Система отказала.

Якуб открыл старый служебный интерфейс лесной охраны. Его не отключили только потому, что через него проверяли пожары и перемещение животных. Военные данные там не отображались, но датчики температуры продолжали сообщать о риске возгорания.

В секторе 48 находились пять тёплых объектов.

Система считала их людьми.

Они двигались цепью, выдерживая одинаковые интервалы.

— Техническая группа, — сказала Наталия.

— Почему без связи?

— Помехи.

— Почему через лес?

— Обслуживают лес.

— Почему система не показывает оборудование?

Наталия увеличила данные.

У каждого человека имелся защитный комплект с адаптивной поверхностью. Ткань выравнивала температуру с окружением и меняла рисунок под кору, мох и тени. В видимом диапазоне группа почти исчезала. Тепловые датчики замечали только краткие следы в местах сгибов и соприкосновения с землёй.

— Хорошая маскировка, — сказала Наталия.

— Для ремонтников.

— Сейчас всем ремонтникам выдают хорошую.

— Им выдают жилеты, чтобы свои не убили. Эти стараются, чтобы их никто не увидел.

Якуб запросил личные идентификаторы.

Пять действующих удостоверений.

Две гражданские компании.

Одна международная служба инфраструктурной безопасности.

Один специалист по подводным системам.

Один сотрудник страхового аудита.

— Страховой аудитор в активной маскировке, — сказал Якуб.

— Боится страхового случая.

Система сообщила, что российский военнотружущий вошёл в сектор 48.

Сразу после этого его отметка исчезла с общей карты.

* * *

Денис Карпов появился снова через три минуты.

На этот раз его обнаружил не военный датчик, а камера наблюдения за зубрами. Она стояла у солонца и передавала изображения в природоохранную сеть, которую никто не считал нужным отключать.

Российский техник вышел из-за дерева, оглянулся и опустился на землю. На правом плече защитного комплекта была длинная прорезь. Шлем отсутствовал. Лицо покрывали грязь и кровь из рассечённой брови.

В руке он держал небольшой диагностический блок.

Не оружие.

Якуб включил внешний динамик камеры. Русский автоматический перевод загрузился с задержкой.

— Не двигайтесь. Вы находитесь под наблюдением польской оборонительной системы.

Денис поднял голову и посмотрел прямо на замаскированную камеру.

— Я заметил.

— Положите оружие.

— У меня нет оружия.

— Система показывает.

Денис медленно вынул пистолет и положил на землю.

— Ещё?

— Отойдите на три метра.

— Куда?

Якуб вывел перед ним световую отметку. Маленький наземный проектор обозначил зелёный круг.

Денис перешёл в него.

— Назовите себя.

— Старший техник Денис Карпов. Четвёртая группа чрезвычайного транзита.

— Почему покинули колонну?

— Не покидал. Меня отправили к ремонтной платформе.

— Где платформа?

— Осталась за заграждением.

— Почему вы в лесу?

— Потому что дорога решила, что обратно мне нельзя.

— Кто вас преследует?

Денис посмотрел в сторону слепого сектора.

— Не знаю.

— Российские военнослужащие?

— Если российские, форма у них стала очень международной.

Якуб перевёл ближайшие природоохранные камеры в активный режим. Изображение стало чётче.

— Что у вас в руке?

Денис прижал диагностический блок к груди.

— Служебные данные колонны.

— Передайте их литовской стороне.

— Я пытался.

— Результат?

— Через две минуты мне предложили добровольно отдать носитель группе технической безопасности.

— NordSec?

Денис поднял взгляд.

— Вы их видите?

— Они имеют действующий допуск.

— Тогда спросите, почему открыли по мне огонь.

Якуб посмотрел на Наталию.

— Следы выстрелов?

Она запросила акустические датчики.

— В секторе тишина.

— Какая?

— Полная.

Якуб открыл необработанный поток с соседнего участка. В обычном лесу даже ночью существовали сотни звуков. Здесь за последние восемь минут не было зарегистрировано ничего выше фонового порога.

— Они подавили акустику, — сказал он.

— Или система отключена.

— Птицы тоже?

На экране Денис резко повернул голову.

Кора дерева рядом с ним разлетелась мелкими щепками.

Звука выстрела не было.

— Ложитесь! — крикнул Якуб.

Денис упал за поваленный ствол.

Вторая пуля ударила в землю там, где он стоял.

Система природоохранной камеры спокойно продолжала показывать:

ПОЖАРНАЯ ОПАСНОСТЬ: НИЗКАЯ

КРУПНЫЕ ЖИВОТНЫЕ: 0

НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЕ ПРИСУТСТВИЕ: НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО

— Отменить допуск NordSec, — приказал Якуб.

НЕДОСТАТОЧНО ПОЛНОМОЧИЙ

— Обозначить вооружённое нападение.

ИСТОЧНИК ВЫСТРЕЛОВ НЕ УСТАНОВЛЕН

— У нас человек под огнём!

НАЛИЧИЕ ОГНЯ НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО АКУСТИЧЕСКИ

Якуб ударил ладонью по панели.

— Они отключили акустику!

Система не ответила.

Наталия подняла ближайший польский перехватчик. Маленький дрон сорвался с зарядной площадки на сосне и пошёл к сектору 48.

На высоте двадцати метров его изображение распалось на цветные полосы.

Связь пропала.

Через секунду природоохранная камера показала падающие между деревьями обломки.

Теперь общая система отреагировала:

УТРАТА ВОЕННОГО АППАРАТА

ВОЗМОЖНОЕ ВРАЖДЕБНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

Зелёные удостоверения технической группы стали жёлтыми.

Не красными.

— Они уничтожили наш дрон, — сказала Наталия.

— Система не уверена, что это они.

— А ты?

Якуб открыл минную карту.

Под сектором 48 находились двенадцать автономных модулей ограничения движения. Формально они не считались противопехотными минами. В мирном режиме устройства могли

ослеплять сенсоры, запутывать ноги прочной сетью или временно парализовать мышцы электрическим импульсом.

После объявления войны те же модули получали другие заряды и другие правила.

Конвенции соблюдались настройками.

Якуб выбрал четыре устройства между Денисом и технической группой.

— Перевести в режим задержания.

ЦЕЛЬ?

— Все неидентифицированные люди в секторе.

В СЕКТОРЕ НАХОДИТСЯ СОТРУДНИК ВООРУЖЁННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

— Его исключить.

ТРЕБУЕТСЯ ОСНОВАНИЕ

— Он выполняет мои команды.

ЭТО НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОСНОВАНИЕМ ДЛЯ ИСКЛЮЧЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО ПРОТИВНИКА

— Противника?

Якуб проверил новое обозначение Дениса.

Пока они разговаривали, штаб изменил статус российских сил в регионе. Оранжевый контур стал красным.

ВОЕННОСЛУЖАЩИЙ ВЕРОЯТНОГО ПРОТИВНИКА

— Ещё пять минут назад он не был противником.

КЛАССИФИКАЦИЯ ОБНОВЛЕНА

Якуб отключил автоматическое назначение целей.

Красный контур Дениса погас.

— Что ты делаешь? — спросила Наталия.

— Возвращаю человека.

— Нам за это обоим отключат доступ.

— Тогда лес станет безопаснее.

Он перевёл модули в ручной режим.

Первое устройство вышло из-под слоя хвои, бесшумно переместилось на несколько метров и снова зарылось. Второе заняло позицию между корнями. Третье система не позволила сдвинуть из-за риска повредить дерево.

Даже минное поле заботилось о лесе лучше, чем о людях.

— Карпов, слушайте внимательно, — сказал Якуб. — В десяти метрах справа появится зелёная точка. Идите к ней.

— Там болото.

— По вашей карте.

— А по вашей?

— Тоже болото. Но неглубокое.

— Очень обнадёживает.

— Другого пути нет.

На мху вспыхнула зелёная отметка.

Денис поднялся и побежал, пригибаясь за деревьями.

За ним двигалась техническая группа.

Якуб видел их только по кратким тепловым следам. Пять человек расходились полукругом, отрезая Дениса от польской границы.

Один остановился возле автономного модуля.

Устройство выбросило сеть.

Человек успел отскочить, но сеть захватила его ногу. На общей схеме удостоверение NordSec стало красным: применение системой ограничения движения автоматически переводило объект в категорию угрозы.

Только теперь Лес решил, что действительный международный допуск может принадлежать противнику.

Остальные открыли огонь по датчикам.

На стене начали гаснуть участки.

Сектор 48 исчез.

Потом 51.

Якуб переключился на вибрационные линии под землёй. Они не показывали людей, только давление на почву. Пять цепочек следов превратились в четыре. Одна двигалась быстрее остальных и хромала.

Денис.

— Впереди развилка, — сказал Якуб. — Налево.

— У меня нет развилки.

— Будет через двадцать метров.

— Там стена кустарника.

— Это маскировка.

— Естественная?

— Уже нет.

Денис вошёл в заросли. Ветви разошлись, пропуская его на старую служебную тропу, и сомкнулись за спиной.

Якуб активировал тепловые ложные цели.

В глубине леса один за другим появились три человеческих следа. Они разбежались в разные стороны.

Техническая группа разделилась.

— Куда вы меня ведёте? — спросил Денис.

— К старому узлу лесной охраны.

— Там есть связь?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Поэтому.

* * *

В 07:32 дежурный штаб наконец ответил на запрос Якуба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.